

МИРЫ Г. Л. ОЛДИ

ГЕНРИ ЛАЙОН
ОЛДИ

URBI ET ORBI,
ИЛИ
ГОРОДУ И МИРУ

Книга третья
ИЗГНАННИЦА ОЙКУМЕНЫ

КОСМИЧЕСКАЯ СЮИТА

НОВИНКА!

Ойкумена

Генри Олди

Изгнанница Ойкумены

«Автор»

2011

Олди Г. Л.

Изгнанница Ойкумены / Г. Л. Олди — «Автор»,
2011 — (Ойкумена)

Регина ван Фрассен – о подарок судьбы! – родилась телепатом. В тридцать четыре года она лечила джинна от аутизма, чуть не потеряв зрение. В тридцать шесть согласилась на встречу со своим страхом ради чужого ребенка. В тридцать семь замкнулась в несокрушимой Скорлупе, оставив близким память и надежду. Да, космический мир Ойкумены ценит своих менталов, как редчайшее сокровище, но иногда теряет их, разбившись всей мощью о броню неизвестного. Танцуй на улицах Шадрувана, колдунья с флейтой! Когда реальности соприкасаются, рождается сила – и надо идти дальше, потому что Вселенная бесконечна. Книга «Изгнанница Ойкумены» завершает роман «Urbi et orbi, или Городу и миру». Действие романа разворачивается на галактических просторах Ойкумены, уже известных читателю по приключениям Лючано Борготты, директора театра «Вертеп».

© Олди Г. Л., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Пролог	5
Часть седьмая	9
Глава первая	9
I	9
II	13
III	16
IV	20
V	22
Глава вторая	26
I	26
II	29
III	31
IV	33
V	35
VI	37
Глава третья	40
I	40
II	41
III	43
IV	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Генри Лайон Олди

Изгнанница Ойкумены

«Дайте мне другие обстоятельства! – молит неудачник. – Иной мир, вторую жизнь, изначную реальность! Что угодно, но другое! Уж я-то развернусь, уж я-то найду себя: сделаю карьеру, надену корону, выпрямлю спину и стану бегать по утрам...» Нет, не дают. И не потому, что неудачник врет. Случается, трус, попав в огонь, выпрямляет спину. Бывает, мерзавец, угодив в питательную среду, очень даже разворачивается. Толстяк, став добычей, начинает бегать от охотников бодрей бодрого – и по утрам, и круглосуточно. В мольбе – замените! осыпайте! – есть здоровое зерно.

И все равно не дают.

У судьбы тонкий слух. Вопль «Дайте!» так громок, что оглушает ее.

Тераучи Оэ, «Шорох в листве»

Пролог

Серьги, подумала Линда Рюйсдал.

Серьги были на всех изображениях Саманты Блюм, имевшихся в досье. Изящные «запятушки»: темное золото, изумруды, бриллиантовая пыль. Других украшений, кроме серег, Саманта не носила. Для страховки инспектор Рюйсдал еще раз «пролистав» подборку снимков: все верно. В остальном госпожа Блюм напоминала гламурную синт-копию Регины ван Фрассен. Тип лица, прическа, фигура; возраст, наконец. Линда поймала себя на том, что составляет мысленное описание по служебному шаблону. Если же отставить шаблон в сторону... Не живой человек – манекен. Кожа слишком гладкая, загар слишком равномерный; ресницы слишком длинные. Движения скованы, лицо застыло маской.

В глазах – страх.

Страх – это естественно, и даже полезно. Мало кто из подозреваемых останется невозмутимым, попав в кабинет инспектора службы Т-безопасности. Линда продолжила изучать досье, «забыв» о госпоже Блюм. Пусть понервничает. Прием старый, как мир, но работает безотказно.

Тридцать два года, не замужем. Кавалерственная дама, закончила факультет психоэстетики Зальцкопфского университета. Работает консультантом в люкс-салоне «Херрлих». Эмпас 2-й категории; средневыраженный уклон в эмпакта. Мощностъ напора... глубина проникновения... Ничего выдающегося. Нормальный средний уровень – насколько можно говорить о норме по отношению к менталам. Коэффициенты возможностей... Ну, тут вообще все по минимуму.

– Скажите, госпожа Блюм... В чем состоит ваша работа?

От звука ее голоса Саманта вздрогнула.

– Я... да, я помогаю клиентам.

– В чем именно?

– Помогаю выбрать... да, выбрать оптимальную модель одежды. Цвет, фасон, ткань. Отделка. Индивидуальные нюансы. Учитывая вкусы клиента, желаемый образ, тенденции моды...

Скатившись на заученные рекламные клише, Саманта немного расслабилась.

– При этом вы используете свои ментальные способности?

– Только пассивные... да, только!

- Верю.
- С письменного согласия клиента! У нас с этим строго...
- Верю, успокойтесь. С Эрнестом Хокманом вы познакомились в салоне?
- Да... – чуть слышно пролепетала Саманта.
- Когда это произошло?
- Молчание – примерно с полминуты.
- Я... Он... да, он... Господин Хокман заказал смокинг для коктейль-пати.
- Давно?
- Год назад.
- Вы его консультировали?
- Да.
- Он сразу согласился на помощь ментала?
- Он сам... да, сам попросил! Сказал, что слышал очень хорошие отзывы...
- О вашем салоне?
- О салоне... и о консультанте...
- О вас лично?
- Да, обо мне.
- Господин Хокман остался доволен?
- Очень.
- Он пришел к вам еще раз?
- Да...
- Когда у вас завязались личные отношения?
- Когда он заказал клубный сюртук. И пригласил меня поужинать после работы.
- Вы согласились?
- Да.
- Он вам понравился?
- Да...
- «Понравился, – тайком усмехнулась Линда, – не то слово. Ты, милочка, влюбилась как кошка. С первого взгляда. Никакой эмпатии не нужно – сразу видно...»
- Инициатором вашего сближения был господин Хокман?
- Да...
- Вы не применяли для сближения никаких ментальных воздействий?
- Нет!

На миг госпожа Блюм утратила образ растерянной простушки. Этого Линде хватило, чтобы укрепиться в своих подозрениях.

– Господин Хокман считает иначе. От него в нашу службу поступило заявление. Господин Хокман утверждает, что с вашей стороны было осуществлено не санкционированное им ментальное воздействие. Цель: привязать господина Хокмана к себе и впоследствии вступить с ним в законный брак. Вы это отрицаете?

- Нет.
- В каком смысле?
- Не отрицаю.

И тут Саманта Блюм разрыдалась. Линда ждала, не пытаясь ее успокоить. Наконец Саманта вытерла слезы и жалко улыбнулась. Сейчас в ней не осталось ничего от гламурной куклы.

– Рассказывайте. И снимите внешний блок. Я должна вас чувствовать.

Линда могла добраться до эмоций госпожи Блюм и без согласия последней. Но насилие – крайняя мера. А согласие сотрудничать зачтется подследственной.

- Да-да, конечно... я понимаю...

Хорошо, что она загодя поставила фильтр – «понижающий трансформатор», как шутил Фома. Чувства Саманты долетали до нее слабыми отголосками. Пыль – это тоска. Свинец – это безнадежность.

Страх исчез без следа.

– Он... да, он любил меня! Я знаю. Я... я была с ним без блоков. Понимаю, виновата...

– Продолжайте.

– Я некрасивая. Я застенчивая. В детстве заикалась. На психоэстетику пошла, чтоб выучиться нравиться. Не выучилась. Другим помогаю, а сама... Парни... мужчины... Они, когда со мной знакомилась... Нет-нет, я не читала их мысли! Я и не умею толком. Но эмоции... Да вы и сами знаете. Им от меня одно было надо. Как же, менталка! Дураков это возбуждает. Я привыкла. Проверяла каждого: еще один кобель... А тут – Эрни. Он такой был... да, такой! Настоящий. Плевать он хотел, менталка я, или нет. Мы уже свадьбу обсуждали...

Отслеживая колебания эмо-фона, Линда копалась в досье. Кто тестировал эту самоедку на социдаптацию? Надо же! Здравствуй, Фома, здравствуй, любимый... Способ проверки в досье не указывался, но это не имело значения. Проглядел ты Саманту, муженек. Схалтурил. Искра в ее боязливой душе... Тут любой мужчина дал бы промашку. Такую искорку раздуть до костра, до бешеного пожара – много трудов надо. Остается надеяться, что в дальнейшем госпожа Блюм, наученная горьким опытом, будет осмотрительней.

Не ломать же дуре жизнь из-за пустяка?

– ...я с ним ни разу... да, ни разу! Зачем? Мы любили друг друга... А на прошлой неделе... Он мне встречу назначил. В «Черной орхидее»...

Саманта не лгала. Инспектор Рюйсдал могла это подтвердить лучше всякого «детектора лжи».

– ...он сказал... да, сказал, что больше не имеет права со мной встречаться. Что свадьбы не будет. Его родители... влиятельные люди... Мама Эрни говорит, что мы – не пара. Ему и невесту уже подобрали. Он улыбается: хорошая, мол, девочка... А я чувствую: ему больно! Он меня любит... Я помочь хотела! Думала, он их убедит... Извините, пожалуйста. Ничего я не думала. Это я сейчас... Я не могла его потерять! Это мамочка заставила его написать заявление! Сам бы он никогда...

– Итак, вы осуществили эмо-воздействие на Эрнеста Хокмана с целью сохранить ваши с ним отношения?

Казенная формулировка остановила приближение истерики.

– Да.

– Картина ясна. Госпожа Блюм, как вы относитесь к содеянному?

– Я... Мне очень стыдно. Я не имела права.

– Закон в этом смысле однозначен.

– Дело не в законе. Нельзя так было с ним... да, с ним...

– Вы раскаиваетесь в содеянном?

– Раскаиваюсь.

– И не станете повторять подобные действия в будущем?

– Нет! Ни за что!

– Когда вы незаконным образом воздействовали на господина Хокмана, на вас были серьги?

– Серьги? При чем здесь...

– Отвечайте!

– Не помню. Кажется, нет...

– Кажется – или нет?

– В тот день я не надела серьги.

– Я так и думала. Что ж, учитывая, что вы действовали в состоянии аффекта... Могу учесть также чистосердечное признание, сотрудничество со следствием и ваше искреннее раскаяние...

Пауза. Чтоб лучше запомнилось.

– ...я квалифицирую ваши действия как эмо-воздействие усиливающего характера. Вы же не пытались изменить чувства господина Хокмана к вам? Вы лишь усилили их. Верно?

– Да!

– Статья 19, пункт 2-а Закона «О допустимых ментальных воздействиях». Принимая во внимание смягчающие обстоятельства, служба Т-безопасности в моем лице...

* * *

Из задумчивости Линду выдернула трель уникома.

– Регина? Привет!

– Ты сегодня вечером как? Сразу домой, к Фоме – или?..

– У Фомы дежурство. Я свободна, как солнечный ветер!

– Хороший кофе? Пирожные? Капелька ликера?

– Искусительница! Ты же фигуру бережешь!

– Я-то ее, заразу, берегу. А она, зараза, не бережется... Ничего, лишний час на тренажерах помучаюсь.

– Му-ученица! Сейчас дело дооформлю и к половине шестого освобожусь.

– Что за дело?.. Извини, зря спросила. У вас сплошные секреты.

– А у тебя – врачебные тайны. Ерунда дело, чистый администрат. Строгач с занесением. Плюс дополнительный курс социдаптации. Где встречаемся?

«И больше ничего о деле Саманты Блюм я тебе, подруга, не расскажу. Ты не услышишь от меня, что на Ларгитасе живет женщина, закомплексованная от пяток до макушки, чьи асоциальные порывы дают о себе знать, только если госпожа Блюм ходит без сережек. Полагаю, опытный психир – такой, как ты – мог бы вылечить бедняжку. Но принудительное лечение – не наш случай...»

– «Черную орхидею» знаешь?

– Знаю, – вздохнула инспектор Рюйсдал. – Теперь знаю.

Часть седьмая Шадруван

Глава первая Все мужчины хотят королеву

I

– Чего же хочет от меня малыш Хорхе?

Адвокат приятно улыбнулась:

– Сущий пустяк. Пятьсот тысяч эю.

– У Хорхе губа не дура, – согласилась Регина. – От жадности не слипнется?

– У кого?

– У него.

– Где? – не поняла адвокат.

Регина сказала, где.

– Зря, – адвокат моргнула: раз, другой. У нее были дивные ресницы – пушистые, длинные. Такими моргать и моргать. – Это вы напрасно, госпожа ван Фрассен. Мне кажется, вы недооцениваете претензии моего клиента. Здесь вам не Ларгитас. Здесь Китта. У нас скверно относятся к незаконному взлому чужих мозгов. Полмиллиона эю отступного покажутся детской сказкой в сравнении с приговором суда. Сеньор Рамос еще очень снисходителен к вашим вольностям...

– Чем от вас пахнет? – спросила Регина.

– А что? – занервничала адвокат, тайком приносиваясь.

Молодая, гибкая, как пантера, с очень темной кожей, она по праву могла бы считаться красавицей. Единственное, что портило киттянку, так это привычка все время поджимать губы, словно адвокат заранее сомневалась в искренности собеседника. Старушечья гримаска превращала рот в куриную гузку.

– Ваши духи. Мне нравится этот аромат. Как называется?

– «De cadence». Цветочный букет, почки черной смородины.

– Да-да, и переход в смолистую мирру... Знаете, в юности у меня был знакомый арт-транс-сер. Он анализировал запах духов не хуже профессионального дегустатора. А я вот, к сожалению, не раскусила, что он не арт-транс-сер, а сукин сын.

– Как я понимаю, – вздохнула адвокат, – вам вообще не везет с мужчинами. Оставим духи на десерт. Если мы договоримся по-хорошему, я подкину вам адресок магазина. Итак, что мне передать моему клиенту?

– Передайте малышу Хорхе...

Регина подошла к перилам. Напротив сонным псом ворочался океан. Солнце обряжало его в золотую кольчугу. Белые запятые яхт терялись в этом блеске. Вровень с перилами качались узорчатые веера пальм – адвокат назначила встречу в открытом кафе на верхней террасе дендрария. Китта, побережье Йела-Маку; один из лучших курортов Ойкумены. Здесь Регина ван Фрассен, врач тридцати четырех лет от роду, познакомилась с Хорхе Рамосом, тридцатилетним альфонсом. Теперь у нее вымогают полмиллиона. Славно отдохнула, подруга, ничего не скажешь...

Малыш Хорхе был красив, как ангел, и порочен, как бес. При первом же взгляде на него любая женщина понимала, что это подлец. И с меньшей ясностью понимала, что влипла. На малыше Хорхе пробы негде было ставить – во всех смыслах. В постели он творил чудеса. В танце конкурировал с пламенем костра. В сквернословии мог заткнуть за пояс дедушку Фрица. Он пел приятным баритоном. Гитара млела в его руках. Заказ малыша Хорхе в любом из ресторанов Китты был безупречен, опустошая кошелек – как правило, чужой. Регина прикинула, что может себе позволить Рамоса на полторы недели. Отдых прошел великолепно. Расстались легко, без слез; Регина не сомневалась, что они больше никогда не увидятся.

Ошиблась.

Ко всем своим талантам, малыш Хорхе жил шантажом. Доктор ван Фрассен была не первая дура, кого Рамос потащил в суд. Правда, она была у Рамоса первым телепатом. Что и подсказало малышу Хорхе причину для подачи иска – оригинальную, сулящую хороший куш.

– Передайте, что он глуп, как пробка. И вы тоже, если взялись за это дело. Ах да, еще передайте от меня полмиллиона поцелуев. Надеюсь, это смягчит его разочарование.

Адвокат отпила глоточек кофе.

– Пустая бравада, госпожа ван Фрассен. Вы только отнимаете у меня время. Вы незаконным образом влезли в голову моему клиенту. Вы похитили у него ряд воспоминаний, исключительно ценных для сеньора Рамоса. Вы внедрили ему свой образ, приукрашенный вами, что спровоцировало страсть. Сейчас сеньор Рамос страдает депрессией. Все это подробнейшим образом изложено в иске. Не капризничайте, подпишите чек. И мы откажемся от иска.

– Вы спите с ним?

– Не ваше дело.

– Значит, спите. Завидую. Нет, я не шучу. Впрочем, это единственное, в чем я вам завидую. Вы получили медицинское заключение?

– Да. Оно приложено к иску.

– Насчет депрессии? Верю. Это несложно оформить.

– И насчет всего остального – тоже.

– Врете.

– Вы не имеете права! – адвокат вздрогнула, пролив кофе на блюдечко. – Я представляю интересы истца! Самовольное чтение моих мыслей – отягчающее обстоятельство. Вы не отдаетесь материальной компенсацией...

«Пальмы. Море, – подумала Регина. – И эта дура. Нет, две дуры...»

Внизу от пирса отчалила А-платформа с компанией ныряльщиц. Скользящая над гребнями волн платформа с ее пятью суставчатыми аппаратами напоминала человеческую ладонь – так несут мальков, чтобы выпустить в пруд. Ныряльщицы, дебелие тетки с Хиззаца, галдели и хохотали. Они заранее поделили весь несобранный жемчуг, разложенный для них на дне дип-обслугой – в раковинах, помеченных флюомаркерами. На краю платформы, не смешиваясь с шумными туристками, сидела тройца «акульих плясунов», мелких, как профессиональные жокеи. Плясуны смотрели на восток. Там, у горизонта, медленно брел огромный лентяй – туристический лайнер «Левиафан». Он сиял даже при свете дня. Регина отвела взгляд. С некоторых пор она разлюбила смотреть на корабли у горизонта.

– Я не касалась ваших мыслей. Я просто знаю, что у вас нет иного заключения, кроме депрессии. И то – купленное. Малыш Хорхе и депрессия – несовместимы. Вы забываете, с кем имеете дело. Ваш клиент утверждает, что я копалась у него в мозгах. В его волосатых, воняющих потом мозгах. Суд обязательно назначит экспертизу.

– И что?

– Ни один пси-эксперт не подтвердит слов вашего клиента. Давайте объясню на примере. Вам в детстве удалили аппендикс. Позже, в молодости, пласт-хирург свел вам шрам. Проклятье, да хоть заново пришел чужой аппендикс! Ни муж, ни любовник ничего не определяют. Но

профессиональный медик-эксперт, проводя обследование, сразу скажет, что вас когда-то оперировали. И подтвердит сказанное документально. Вы понимаете, о чем я?

– Какое отношение имеет аппендицит к иску моего клиента?

– Прямое. Вторжение, которое инкриминирует мне малыш Хорхе, оставляет следы. Опытный пси-эксперт, исследовав мозг Рамоса, сразу определит, что ваш клиент врет. Это вам, милая моя, кажется, что чтение чужих мыслей, а уж тем более похищение воспоминаний – следы на воде. Поверьте, эти следы хорошо различимы.

Регина продолжила любоваться океаном. Позиция адвоката была менее выгодна: киттянка если чем и любовалась, так это спиной госпожи ван Фрассен. Спокойной, уверенной, слегка надменной – а если верить записному вралю Хорхе, так еще и привлекательной – спиной женщины, знающей себе цену.

Акустика здесь была прекрасная. Адвокат и так все слышала.

– Вот лет через десять эксперт мог бы и засомневаться. А сейчас, по прошествии каких-то четырех месяцев...

– Вы лжете мне.

– Обратитесь в пси-консультацию. Они скажут вам то же самое. А еще лучше – начинайте судебный процесс. И поверьте, что я оценю свой моральный ущерб не в жалких полмиллиона. Когда суд меня оправдает – а меня оправдают, не сомневайтесь! – я выставлю малышу Хорхе такой счет, что Галактика содрогнется. Придется вам сократить расходы на косметику.

Адвокат долго молчала. Регина прислушалась. Нет, телепатия не понадобилась. Во-первых, нельзя: нет никакой гарантии, что за соседним столиком не сидит нанятый эксперт, притворяясь туристом, и чутко ловит – не нарушит ли госпожа ван Фрассен законы внаглую? Во-вторых, и без телепатии слышно: страха в молчании киттянки нет. Так замолкают, прежде чем выкатить на огневой рубеж тяжелую артиллерию.

Внизу, на средней террасе, заиграла музыка: две мандолины и гобой. Крики чаек вплелись в мелодию нервным контрапунктом. Казалось, сама Китта старается нарушить молчание женщин, интересуясь продолжением.

– Я не верю вам, – наконец сказала адвокат. – И знаете, почему?

– Почему же?

– Нос, – киттянка взялась за крылья собственного носа и слегка подергала. Жест по идее должен был обличать. Но это только по идее. Защитнице малыша Хорхе следовало бы брать уроки актерского мастерства. – Татуировка. Ваш нос татуирован?

– Вы наблюдательны.

– А тогда? В дни, когда вы наслаждались обществом моего клиента?

– Тогда – нет.

– Это хорошо, что вы не отрицаете...

– Глупо отрицать то, что запечатлено на куче голографий. Мы с малышом Хорхе не прятались от объективов. Напротив, Рамос сам с большим удовольствием снимал нас. Смеялся: на память. Сейчас я понимаю, что под памятью он подразумевал пятьсот тысяч. Говорите, я рылась в его памяти? Честное слово, так и слышу хруст ассигнаций.

– Перед приездом на Китту вы свели татуировку. Зачем?

– Не хотелось выделяться во время отдыха. Мало кто умеет читать ларгитасские татуировки. Большинство полагает их причудой, вроде пирсинга. И все-таки... Я устала регулярно отказывать в просьбе выяснить тайком, изменяет ли муж соседке по этажу, или излечить арахнофобию прямо в парикмахерском салоне. Я хотела покоя.

Адвокат погрозила ей пальцем:

– Вы свели татуировку, чтобы в вас не видели телепата.

– Да.

– Уточняю: чтобы мой клиент не видел в вас телепата?

– В каком-то смысле, да. Я не знала, что познакомлюсь именно с Рамосом. Но в целом я была не против легкой курортной интрижки. Я свободна и незамужем. Вы видите здесь ущерб моей морали? Отлично, можете меня осудить. Хотя, замечу, я сказала Рамосу, кто я, в первый же вечер.

– Что он вам ответил?

– Я на допросе? Впрочем, не стану скрывать. Он ответил, что его это возбуждает. И подтвердил слова делом. Мы не спали до утра.

– Вы лжете!

– Да ну?

– Рамос утверждает, что вы лжете, – поправились адвокат. – Он отметил в иске, что ничего не знал о ваших талантах. Для Рамоса было большим потрясением узнать, с кем он встречался.

– Он стал импотентом? От стресса?! Большая потеря для курорта...

– Мой клиент заявляет, что вы сознательно умолчали о своих ментальных способностях и открылись ему лишь при расставании, в космопорте.

– А даже если так?

– Законы Ларгитаса запрещают вам убирать татуировку. Я права?

– Отчасти. Законы Ларгитаса запрещают это на территории Ларгитаса и его колоний, а также в местах компактного проживания ларгитасцев. Китта – суверенная планета. Она не входит в этот перечень. Здесь я могу вставить кольцо в пупок, а могу разукрасить крылья носа портретами киттянских министров в миниатюре. Свободный человек в свободной Ойкумене, и все такое.

Адвокат закусила губу. Похоже, она не знала этих нюансов.

– Сейчас вы опять татуированы. Почему?

– Тогда я прилетала отдыхать. Сейчас – работать.

– Сейчас вы прилетели, желая избежать суда и огласки. Вы прилетели на встречу со мной. Это кое о чем говорит, а? Ваша уверенность – напускная. Вы чувствуете за собой вину. Иначе бы вы послали меня в черную дыру...

Регина повернулась к адвокату лицом. Вот, подумала она, и настал наш черед приятно улыбаться. И мы сделаем это ничуть не хуже наглой соплячки. У нас была отличная учительница улыбок – Фрида в ипостаси целофузиса.

– Деточка, ваша глупость бесконечна, как Вселенная. Если вы представляете интересы Рамоса, вам следует научиться думать не передком, а мозгами. Даже если ваши мозги для меня – открытая сумочка, а передок открыт только для малыша Хорхе. Рамосу следовало бы нанять старую каргу с опытом. Но старая карга отказалась бы, едва услышав претензии клиента. Да и денег для аванса у Рамоса нет. Зато у него есть чудесный аванс для таких, как вы. Я знаю, я пробовала...

– Вы хотите оскорбить меня?

– Да, я хочу, чтобы вы обиделись. Может, хоть это заставит вас опомниться? Не будь у меня дел на вашей Китте, я бы в жизни не прилетела сюда во второй раз. Слушать вашу чушь? – увольте. Видеться с малышом Хорхе? – ни малейшего желания. Наша встреча – мой каприз. Сложись все по-другому, и вы общались бы не со мной, доброй и отзывчивой специалисткой по душевным расстройствам, а с кровожадным чудовищем – моим адвокатом. Вам знакома фамилия Крониг?

– Нет.

– Вам повезло. Беата Крониг по прозвищу Крокодил. Заслуженный юрист Ларгитаса, между прочим. Член-корреспондент Галактической академии адвокатуры. Обслуживая нашу клинику, госпожа Крониг выиграла дел больше, чем у вас волос на голове. Представляете себе уровень *наших* клиентов? А уровень их претензий? Крокодил сожрет вас без соли, и заку-

сит печению сеньора Рамоса. Кстати, Беата ненавидит мужчин. Такая вот аберрация психики. Тяжелое детство, отчим-тиран; первый сексуальный опыт был неудачен... Дай ей волю, всех бы кастрировала. А вашего клиента – еще и прилюдно, садовым секатором. Какими вы видите после этого перспективы вашей карьеры?

Выждав минуту, Регина подвела итог:

– Лично я их вообще не вижу.

II

– Госпожа ван Фрассен?

– Да, это я.

– Прошу за мной, бааси. Вас ждут.

Метрдотель был сама предупредительность, но без лишнего заискивания. Чувства собственного достоинства ему отвалили на пятерых. Он не шел, а плыл впереди гости – казалось, ступни его не касаются паркета цвета спелой вишни. «А-спирали» в каблуках? Нет, просто знаменитая пластика вудунов – предмет лютой зависти танцоров всей Ойкумены. Темно-лиловый саронг, украшенный по краю золотой каймой, вудун носил с величием октуберанского консула.

Проходя мимо зеркала, Регина критически изучила собственное отражение – и осталась довольна. Вечернее платье она купила здесь, на Китте, в салоне мадам Куаньямы. Ей сразу понравилась черная ткань, где тут и там, все время меняя место, вспыхивали таинственные искорки – звезды в глубинах Космоса. Выгодно подчеркивая неоспоримые достоинства хозяйки – привет гнусному льстецу Хорхе! – платье скрывало полноту, с которой Регина безуспешно боролась который год. Волосы уложены «диадемой», заколка с крупным карбункулом; легкий макияж – ничего лишнего.

Респектабельная женщина явилась на деловую встречу.

Инопланетников в зале не оказалось. За столиками сидели чернокожие киттяне. Значит, ресторан – для своих, не напоказ. Это хорошо. От «экзотики», продаваемой оптом и в розницу, Регину уже тошнило. Светильники-тыквы украшали сложные орнаменты; в прорези мастер вставил самоцветы. Стенные панели из можжевельника, ротанговые ширмы...

В зале они не задержались. Пересекли его по диагонали – и оказались перед завесой лиан. Лианы шевелились, и это было неприятно.

– Ваша гостья, баас Костандо.

– Прошу вас, госпожа ван Фрассен.

Густой баритон напомнил Регине шантажиста-Рамоса. На унилингве Костандо говорил без акцента, лишь едва заметно растягивал гласные. Метрдотель коснулся ростка с лаково-зеленым бутонем на конце. Лианы разошлись в стороны, открывая проход.

– Добрый вечер.

– Добрый вечер, господин Костандо.

– Рад наконец познакомиться с вами лично.

– Взаимно.

– Вы чудесно выглядите. Я прямо не знаю, как обсуждать дела с такой прелестной женщиной.

– Хорошо, я сгорблюсь и растреплю прическу.

– Зачем?

– Чтобы не лишать вас деловой хватки...

«Живьем» Фредерико Костандо выглядел так же, как по гиперсвязи: моложавый брюнет неопределенного возраста. Над бровью белел шрам «подковкой». Разумеется, Костандо легко мог от него избавиться, но не стал. Видно, был из тех, кто считает, что шрамы украшают мужчину. Еще мужчину украшали жгучие стрелки бровей, щеточка усов и глаза-маслины – черные,

внимательные. Серьга с рубином в левом ухе. Перстень-печатка на правом мизинце. Летняя рубашка из осцилонского шелка стоила дороже вечернего платья Регины.

Кто ты, баас Костандо?

Какая разница? Просто очередной богатый клиент. У доктора ван Фрассен, в отличие от дуры-адвоката, все клиенты – богатые. Иным услуги психира не по карману. Главврач предупредил: этот – особенный. В клинику на Ларгитас лететь не захотел категорически, настоял на визите врача в указанное им место. Билет экстра-класса до Китты, шикарный отель, личные расходы; даже перелет Фриды и люкс-вольер в «зверинце» гостиницы – все оплатил, не чинясь. Выбрал тебя, сказал главврач. Предлагали доктора Ронберг – отказался наотрез.

Гордись, мол – репутация...

Поднявшись из-за стола, Костандо поцеловал даме руку. Ничего личного, говорил этот поцелуй. Дань вежливости, и перейдем к главному. Мог бы встать раньше, отметила Регина. Нет, сидел до последнего момента. Глядел на меня – стоящую перед ним. Намек? Он – заказчик, я – исполнитель? Или привык, что перед ним стоят?

– Присаживайтесь, – Костандо усмехнулся, словно прочитав ее мысли. – Я взял на себя смелость сделать заказ. Надеюсь, вам понравится. Но если вы желаете выбрать самостоятельно...

– Я доверяю вашему вкусу.

Приватный кабинет был стилизован под каменный грот. О, нет! Это и был грот – самый настоящий! Еще на подлете Регина отметила: ресторан врос в уступ скалы над заливом. Наверняка грот находился в скале изначально, и дизайнеры приспособили его под VIP-зал.

Шелест лиан, и в кабинете объявилась пара официантов. В ответ шевельнулись немые статуи у входа: переступили с ноги на ногу, сверкнули ледяными взглядами – и вновь замерли. Телохранители Фредерико Костандо работу знали туго. Пожалуй, решила Регина, при них можно и сексом заняться. У парней ничего не дрогнет – ни на лице, ни в штанах.

– Каракатица в собственных чернилах! – объявил первый официант тоном опытного конферансье. – С томатами, базиликом и чесноком!

– Холодец из осьминога! – не отстал от коллеги второй. – С манго и папайей!

– Кальмары фаршированные!

– Медуза вяленая с креветками!

– Красный флюгель-горнист под соусом «каштру»!

– В качестве аперитива рекомендуем...

– На Йала-Маку, – доверительно сообщил Костандо, жестом веля официантам закрыть рты, – аперитивом служит ром. Но, не зная ваших вкусов...

– Ром тут замечательный, – со знанием дела подтвердила Регина. – Я бы отметила пятнадцатилетний «Асамбо». Дивный букет.

Собственно, только этот ром она и пробовала. Один раз.

– О, я не подозревал, что имею дело со знатоком!

– ...но я с удовольствием выпью белого вина.

– Когда прикажете, – заикнулся официант, – подавать основное блюдо? Шеф-повар хотел бы лично, в знак особого уважения...

Господин Костандо взглянул на Регину.

– Через полчаса, – решила она. – И без дешевого театра.

Официанты скрылись за лианами.

– Вы не против, – улыбка мужчины походила на россыпь отборного жемчуга, – если я закурю?

– Курите.

Из палисандрового футляра на свет явилась сигара. Щелкнула «гильотинка», обрезая кончик. Провернув сигару в пламени длинной спички, Костандо сделал первую затяжку. Дым пах жареной бараниной с черносливом.

– Итак, – нарушила паузу Регина, – вам требуются услуги психира. В нашей клинике хватает прекрасных специалистов. Вы же обратились именно ко мне. Почему?

– Вы обучались на Сякко.

– Доктор Ронберг тоже имеет диплом Сякко. И доктор Фирташ.

– Вас мне рекомендовал один ваш коллега.

– Рекомендация – это лестно. Вы оформили заявку?

– Нет. Ваш главврач согласился организовать нашу консультацию частным порядком. Без лишней мороки с документами. Он – человек с пониманием. Если мы придем к соглашению, вам предоставят отпуск на время работы со мной. Мне бы не хотелось огласки. Что знает канцелярия – извините за грубость, знает свинья.

– Какие-то проблемы?

– Никаких проблем, госпожа ван Фрассен. Суть дела в том, что пациентка нетранспортабельна.

– Диагноз?

Она взяла студенистый кусочек холодца. Ждать, питаясь деликатесами вприглядку, было невмоготу. Из-за гадской защитницы сорвался обед. Для талии – полезно, ну да Великий Космос с ней, с талией...

– Простите?

– Почему пациентка нетранспортабельна? Какие у нее выявлены патологии? Мне надо это знать, прежде чем я дам согласие на осмотр – не говоря уже про операцию.

Господин Костандо ответил не сразу. С минуту он изучал Регину сквозь зыбкую завесу. Казалось, табачный дым был ретранслятором, позволяющим не-менталу проникнуть в мысли собеседницы. Подобное предположение выглядело смехотворным, но не здесь и не сейчас.

– У пациентки сильнейший стресс. Ей был рекомендован режим восстановительного сна, в котором она и пребывает. Однако пси-диагност уверен, что если не удалить ей воспоминания о причине стресса, она, даже выйдя из сна, не поправится окончательно.

– Причина стресса?

– Может быть, сперва мы подпишем контракт? Впрочем, что это я? Вашего устного согласия будет достаточно. Тогда я посвящу вас во все необходимые детали.

– Извините, господин Костандо. Я не соглашусь даже на осмотр, пока не узнаю причину стресса. Без этого, кстати, я не сумею отыскать воспоминания, которые необходимо удалить.

Регина лукавила. Отыскать энграмму, являющуюся источником патологии – не такое уж сложное дело для опытного психира. Это сродни поиску включенного фонаря в лесу безлунной ночью. Даже если сам фонарь заслоняют деревья – отсветы на стволах и листве быстро укажут верное направление.

– Так значит, в принципе вы согласны оперировать?

– Я этого не сказала.

– Очень жаль. Пока вы не дали согласия, вы – не лечащий врач. Вы – посторонний человек. А постороннему человеку далеко не все можно сообщать. Не находите?

– Кто вам меня порекомендовал?

Господин Костандо не удивился резкой смене темы. Он даже просветлел лицом, словно давно ждал этого вопроса.

– Рекомендацию вам дал Бритва.

III

С Яцуо Кавабатой, известным меж выпускников Храма № 3 как Бритва, Регина не виделась со времен обучения на Сякко. Но кое-что о судьбе Кавабаты ей было известно. Сейчас она мысленно поблагодарила болтушку Юсико, три года назад примчавшуюся спасать подругу. И папу, который втайне от дочери, погруженной в депрессию, созвал ее лучших друзей. А ведь она едва не выставила всю компанию за дверь – до сих пор стыдно...

О том, что Кавабата – игрок, Регина узнала на втором курсе – случайно. Если не изменяет память, от той же Юсико. Рулетка, карты; сё-го, маджонг, кумоку... Юсико, равнодушная к изящному эстету Бритве, аж захлебывалась от возмущения. Идеал рушился на глазах. «Ну, играет, – пожалала плечами Регина. – А Старик карпов разводит. Что с того?» Азартные игры ее не интересовали. Казино она посещала дважды. В первый раз выиграла жалкую ерунду, подтвердив байку о везении новичков. Во второй – спустила две сотни экио и зареклась тратить деньги на подобные глупости.

Известие, что Бритва проигрался в пух и прах, влез в долги и куда-то пропал, не удивило доктора ван Фрассен. Но Юсико, обиженная равнодушием подруги, не успокоилась на достигнутом.

– Я его видела! – горячо зашептала она, узурпировав Регину на балконе. Перейти на ментальное общение сякконке и в голову не пришло: сказывались вьевшиеся в плоть и кровь социальные нормы. – Как из рекламного ролика выпрыгнул! Франт – куда там твоему Гюйсу!

Регина невольно бросила взгляд вглубь комнаты, где *ее* Гюйс беседовал с герцогом Оливейрой.

– Я ему: как жизнь, Бритва? Отыгрался, что ли? А он смеется: «Отыгрался. Я теперь за все отыгрался. С лихвой...» И тросточку в пальцах вертит. Тут я все и поняла. А ты?

– Криминал? – ляпнула Регина наугад.

– Молодец! – восхитилась Юсико. – Ты тоже догадливая!

И неожиданно пригорюнилась:

– Жалко Бритву. У него ведь талант был! Зря он с *гокудо* связался. Попадется рано или поздно. А это – смертная казнь. Или тюрьма, под «Нейрамом». Пожизненно...

Сякконский язык, который Регина, став «шестеренкой», знала, как родной, дал сбой. При слове «*гокудо*» перед ее мысленным взором возник мудреный иероглиф. Он обозначал что-то, связанное с организованной преступностью – но дальше, в глубине понятия, крылись дополнительные смыслы, в которые не удавалось вникнуть.

«Архаизм, – подумала Регина. – Вот смысл и ускользает.»

Тогда она не придала этому значения.

– ...А я-то гадаю: что за дурацкий, простите, разговор?!

Доктор ван Фрассен рассмеялась, беря себе вяленой медузы. Смех прозвучал искусственно. С актерским мастерством было плохо не только у адвоката малыша Хорхе.

– Контракт, мое согласие... Ведь понятно, что ни один врач до осмотра пациента не станет ничего подписывать. И устного согласия не даст. Так значит, Бритва?

– А я все жду, когда вы спросите о рекомендателе, – в тон ей подхватил Костандо. – Надеюсь, теперь мы поняли друг друга?

– Несомненно.

– Итак, вы согласны? Смею заверить, сумма гонорара вас приятно удивит. Никаких налогов, никаких отчислений в бюджет клиники... Мы договорились?

– Нет, господин Костандо. Ваше предложение меня не заинтересовало. Благодарю за прекрасный ужин.

Она начала подниматься из-за стола.

– Куда вы торопитесь? Дождитесь, по крайней мере, основного блюда. Уверен, оно вам понравится. И позвольте мне уточнить некоторые нюансы моего предложения, о которых вы даже не спросили.

Секунду Регина колебалась.

– Вы на редкость убедительны, господин Костандо. Хорошо, я вас слушаю.

– Во-первых, спешу заверить, что предлагаемая вам операция целиком законна. Никакого криминала.

– Неужели?

– Представьте себе.

– Пациентка дала свое добровольное письменное согласие? Она подтвердит его при личной встрече?

– Увы, пациентка временно недееспособна. В подобных случаях, согласно закону, действительным является согласие ближайших родственников. И оно у вас будет, можете не сомневаться.

– Я и не сомневаюсь. Вы хотите, чтобы я провела операцию частным порядком?

– Да.

– Это противоречит правилам клиники, в которой я работаю.

– Ошибаетесь, – в глазах Костандо зажглись веселые искорки. – Насколько мне известно, никто не запрещает вам выполнять частные заказы в свободное от работы время. Будучи, к примеру, в отпуске.

– Это не поощряется...

– Но и не запрещается! Все, что не запрещено – разрешено.

– Вы хорошо подготовились к нашему разговору. Почему бы вам не воспользоваться услугами Бритвы? Он легко решил бы вашу проблему.

– Увы, – развел руками Костандо. – Бритва не работает с женщинами.

– Это точно?

– Точнее не бывает. У Кавабаты комплекс на этой почве. Как говорится: «Врачу, исцелися сам!»

– Что ж, мой ответ остается неизменным. Я вынуждена отклонить ваше заманчивое предложение.

– Очень жаль.

Фредерико Костандо аккуратно положил недокуренную сигару в пепельницу. Лотос из черного серебра окутался дымом.

– Нет, мне действительно жаль. Своим отказом вы создаете проблемы.

– Вам?

– Не столько мне, сколько себе.

– И какого же рода проблемы я себе создаю?

– Это неприятная тема. Мне не хотелось бы ее развивать. Я бы все-таки рекомендовал вам хорошенько подумать.

– Мой ответ – окончательный.

– В таком случае я при всем своем желании не смогу оградить вас от досадных, а иногда и трагических случайностей, которые подстерегают любого человека на его жизненном пути.

– Вы мне угрожаете?

– Ни в коем случае! Просто предупреждаю, как искренний доброжелатель.

И слова, и сама ситуация настолько походила на сцену из дешевого гангстерского боевика, что Регина едва удержалась от смеха. Холодная злость поднималась из глубин, сковывая льдом лицо, руки...

– Какие же случайности вы имеете в виду? Не приведете ли пару примеров? Чисто гипотетических, разумеется.

– В этом нет нужды. Думаю, вашего воображения хватит.

– Странное дело. Почему-то я ощущаю себя в полной безопасности. Со мной просто не может случиться ничего плохого.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

Показалось ей, или Костандо и впрямь мигнул телохранителям? Одна из статуй, охранявших вход, ожила и двинулась к столу. Костандо кивнул, одобряя – даже если телохранитель сам проявил инициативу, это пришлось по вкусу его хозяину. Парень встал за спинкой Регинино кресла – и снова замер.

– Обратите внимание, – сказала доктор ван Фрассен, беря ломтик кальмара, – на правую руку вашего человека. Да-да, ту самую, в которой он держит лучевик. Не сомневаюсь, что разрешения на оружие у ваших телохранителей имеются. Но в данном случае это совершенно не важно. Как вы полагаете, способен ли он – профессионал своего дела – промахнуться с такой дистанции?

Не оборачиваясь, она прекрасно знала, куда сейчас смотрит ствол лучевика – точно в лоб господину Костандо.

– Он выстрелит, если я того захочу. Но даже если он каким-то чудом замешкается, или вы, проявив чудеса ловкости, сумеете уклониться, как это сплошь и рядом происходит в скверных фильмах... Второй ваш телохранитель не промахнется.

Костандо равнодушно удостоверился, что находится под прицелом двух лучевиков. Во взгляде его читался насмешливый вопрос: «Что дальше?»

– Вам страшно?

– Нет.

– Вы не лжете. Вам действительно не страшно.

– Почему вы захватили их, а не меня? – похоже, Костандо наслаждался ситуацией. – Я не под блокадой. Мой мозг открыт для вас. Забавно – я в вашем распоряжении, а вы избираете мишенью моих людей. Забавно и символично. Вы ведь понимаете, что неприятности, в свою очередь, могут случиться не только с вами? С вашими близкими, например?

– Разумеется. Именно это я и хотела продемонстрировать.

– Не понял?

– «Не только с вами.» Наглядная иллюстрация тезиса.

Телохранители спрятали оружие. Стоявший за креслом Регины вернулся ко входу – как ни в чем не бывало. Доктор ван Фрассен не сомневалась, что завтра обоим настигнет чудовищная мигрень. Головная боль – малая цена за то, что ни сейчас, ни через неделю, ни на старости лет никто из парней не вспомнит, что собирался убить хозяина.

– Вы переоцениваете свои возможности, госпожа ван Фрассен. И недооцениваете мои.

– Может, и так. Я же, в свою очередь, уверена, что вы совершенно не представляете себе возможностей клана психиров Сякко.

– Клана?

– Так говорят на Сякко. Традиция. Если угодно – гильдии. Профсоюза. Не важно. Вы знаете, что традиции очень сильны на Сякко? Некоторые из них – ужасны с точки зрения цивилизованного человека. Мы с вами – цивилизованные люди, господин Костандо?

– Вне сомнений.

– Вам надо объяснять, что значит круговая порука, она же – клановая система безопасности?

– Да уж объясните, будьте добры. Просветите убогого.

Очередная сигара окунулась в пламя. Сквозь завесу из лиан сунулся было официант, но Костандо жестом отослал его прочь.

– Охотно. Психиров нельзя убивать. Психиров нельзя принуждать. Насилие над психирами недопустимо. Ни прямое, ни опосредованное. Это правило. Любой, кто рискнет попробовать это правило на зубок, будет наказан. Понимаете? – любой. Нищий дикарь с Кутхи, владец верфей на Хиззаце, сатрап Тира – без разницы. Знаете, почему? Нас мало. Нас очень мало. А соблазн использовать нас для сомнительных операций очень силен. Как мыслят люди, подобные вам? Психир – тоже человек. Возможности его ограничены, и ничто человеческое ему не чуждо. Психира можно шантажировать, запугать, заставить силой. Психира можно ликвидировать. Верно?

– Вы здраво рассуждаете, госпожа ван Фрассен.

– А вы – нет, господин Костандо. Так думать нельзя. Мозг слишком хрупок, чтобы вынести такую опасную мысль.

– Продолжайте. Вы интересно рассказываете.

Дым новой сигары пах черным хлебом и шоколадом.

– Дальше будет еще интереснее, – заверила Регина. – Если опасная мысль все же воплощается в реальность, и психир подвергается насилию – клан открывает банку, и выпускает Скорпионов. Это не месть, поймите правильно. Это образцово-показательная акция. К примеру, у вас есть жена. Двое детей: сын и дочь. Младший брат...

– Вы рылись в моей голове?

– Зачем? Вся информация – из официальных источников. Я тоже подготовилась к нашему разговору. Так вот, никто не станет устраивать вам дорожную катастрофу или пропитывать цианидом ваши сигары.

Рука Костандо замерла, не донеся сигару до узких губ. Мигом позже он расхохотался, словно прося прощения за трусость, демонстративно сунул сигару в рот и выпустил в потолок целую очередь аккуратных сизых колечек.

– Вас и пальцем не тронут. Но ваши близкие – другое дело. Ваша жена сперва забудет имя мужа. Потом – внешность. В один малопрекрасный день она уйдет из дома, потому что выяснит, что всю жизнь любила совсем другого человека. Вашему сыну каждую ночь станут сниться кошмары самого мерзкого свойства. С вашим участием, между прочим. В какой-то момент молодой человек перестанет отличать сон от яви. Но сначала он начнет вас сторониться. Затем – вздрагивать при вашем появлении. Вскоре одна мысль об отце вызовет у него приступы паники, рвоту и неконтролируемое опорожнение кишечника. Ваша дочь предложит себя вашим друзьям. Кое-кто из них согласится; не без скорпионьей помощи, ясное дело. Вокруг вас развернется персональный ад. От бессилия вы будете медленно сходить с ума. Не умоляйте телохранителей пристрелить вас! – они откажутся. Вы попытаетесь наложить на себя руки, и в конце концов вам позволят это сделать. Но не сразу, далеко не сразу...

Костандо молчал долго.

– Вы сказали, – наконец произнес он, – что мы с вами – цивилизованные люди. То, что вы живописали мне, выходит за пределы цивилизованности. Вы не сделаете ничего подобного.

– Я? Не сделаю. Но я – не Скорпион. Вы тоже, угрожая, не собирались преследовать меня лично. Для этого у вас есть исполнители. Есть они и у клана психиров Сякко. Факт нашей встречи – не тайна. Случись что со мной – начнется расследование. Скорее всего, полиция ничего не сможет вам предъявить. Но клан примет решение, и Скорпионы выйдут из банки. Если же вы возьметесь за моих близких – я сама перешлю энграмму нашей беседы Скорпионам. Не колеблясь ни секунды. Ваш пример еще раз подтвердит Ойкумене: психиров трогать нельзя. Это – гарантия нашей безопасности.

– Вы – не сякконка.

– Я прошла обучение в Храме. Я – под защитой клана. Спросите Бритву: он в курсе.

- Я вам не верю. Это всего лишь слова.
- Ваше право. Если вас не убеждают слова, могу показать. Желаете?
- Вроде фокуса с моими телохранителями? Попробуйте.
- Предупреждаю: вам не понравится.
- Я не брезглив.
- Ну что ж...

Показ занял едва ли минуту. Фредерико Костандо не проронил ни слова. Пальцы его вцепились в край столешницы. Бледное лицо покрылось капельками пота. Казалось, некий мучитель выдавливает наружу бисер, скрывавшийся под кожей. В мигающем свете свечей капли притворялись живыми: они шевелились, переливаясь мутным перламутром. Плечи мужчины едва заметно тряслись.

– Традиции Сякко чудовищны, – подвела итог Регина. – Но они работают.

– Из этого правила, – Костандо одним глотком допил свой аперитив, – есть какие-нибудь исключения? Хоть какие-нибудь?!

– Есть. Если психир соглашается на операцию, подобную той, что вы предложили мне – он теряет право на защиту клана.

– После операции?

– Нет. В тот момент, когда дает согласие.

IV

В холле отеля Регину ждала нечаянная радость.

Сегодня радость приняла облик комиссара, с недавних пор – окружного комиссара Фрейрена. Нога за ногу, он сидел в кресле с таким видом, словно Китта стала Ларгитасом, отель – его персональным кабинетом, а Регина, дрянь этакая, опоздала явиться по вызову дня на три. Тощий пигмей-портье с опаской поглядывал на комиссара. Наверное, боялся, что суровый громила решит снять «люкс» и изломает всю драгоценную мебель в щепки.

– Что вы здесь делаете? – вместо приветствия спросила Регина.

Комиссар вздохнул:

– Что делают на Китте? Отдыхаю.

– Ставлю вопрос иначе. Что вы делаете в моем отеле?

– Жду вас. Заждался уже, право слово.

– Да ну?

– Честное слово. Четвертый час кукую.

– Вы решили отдохнуть вместе со мной? – от такой радужной перспективы мог хватить инфаркт. – Спасибо за высокую честь, но я...

Комиссар испустил второй вздох, горше первого.

– С вами отдохнешь, – буркнул он. – Вы, госпожа ван Фрассен, мой крест. Вы мне горб до крови натерли. Лежу это я, значит, на пляже. Белое вино со льдом, фрукты. Шоколадная цыпочка – прелестный, между прочим, характер, не чета вашему... Нет, вызывают по гиперу, велят ввести вас в курс дела. Спрашиваю: почему я? У меня законный отпуск! Ты, говорят, на Китте, и она, говорят, на Китте. На одном побережье. Кто, если не ты? Чувствуете логику? У меня от этой логики давление триста на двести...

– Такого давления не бывает, – машинально возразила Регина.

– Это у тех не бывает, – отмахнулся комиссар, – кто с вами не знаком. Счастливицы!

Ладно, пошли в ваш номер. Буду вводить...

– Меня что, не могли уведомить по коммуникатору?

– Не могли. Велели, чтобы лично.

Лифт, заключенный в стеклянную колонну, вознес их на шестнадцатый этаж. Войдя в номер, комиссар достал клетчатый платок, вытер пот со лба с таким видом, будто честно отмахал весь путь по лестнице – и упал на диван в гостиной. Диван охнул. Фрейрен крикнул. Прятать платок он не стал – сидел, промакивал бритый наголо череп. Зрелище не вдохновило Регину. Решив, что радушной хозяйки из нее все равно не получится, она ушла в спальню – переодеться. Фредерико Костандо снял ей «президентские» апартаменты. Жаль, похвастаться некому. Сукин сын Рамос отпадает, комиссар не оценит. Завести нового любовника? Нет, не успеем – завтра летим домой...

– Вы работали с аутистами? – вслед ей крикнул Фрейрен.

– Да. С вами.

– Очень остроумно, – третий комиссарский вздох сотряс стены. – Вам бы в цирк, клоуном... Так работали или нет?

– Два раза. Синдромы Кашпертрана и Претта.

– Это лечится?

– Аутизм? Частично.

Сняв платье, Регина достала из стенного шкафа кимоно – легкое, летнее. Всякий раз, завязывая пояс, она давала себе слово с завтрашнего дня сесть на диету. Слов за последние годы накопилось – на академический толковый словарь.

– Что вы делаете с аутистами?

– Бью ремнем. По голой заднице. Хотите попробовать?

– А если серьезно?

– Стимуляция лобных долей. Сектора инициативы и социальных навыков. Зона активного мышления. Зона ассоциативной речи...

Очень хотелось в ванную. Особенно после общения с адвокатом малыша Хорхе и господином Костандо. Вымыться, стать, как новенькая, вчерашняя. Но при комиссаре это было невозможно.

– ...области Геринке и Трокка. Бинауральная ритмизация. Терапия конфликта...

– А медикаментозное лечение? Физкультура?

– Обязательно. А также диета и аудио-вокал. Но для этого не нужен врач-ментал. Психолог, дефектолог, логопед... Слушайте, мне надоело! Вы же все равно ничего не понимаете в пси-медицине. Зачем вы спросили?

– Вам назначили пациента.

– Любовница господина Костандо? Быстро же он...

– Что? – не понял комиссар.

– Ничего. Не обращайтесь внимания. Говорите, новый пациент?

– Мальчик, три года. Зовут Артуром.

– Три года? Поздно спохватились...

– Внука воспитывала бабушка. Слепая любовь и все такое.

– Кто же мне назначил это сокровище?

– Бросьте паясничать. Лучше спросите, как фамилия пациента...

– Фрейрен?

Вспомнив, что комиссар не так давно похоронил сына, Регина прикусила язык.

– Зоммерфельд, – ответил комиссар. – Артур Зоммерфельд.

– *Артурчик... это наш Артурчик...*

– *Поздравляю...*

– *Я виновата перед вами, Региночка.*

– *Да что вы! Перестаньте...*

– *Я очень, очень перед вами виновата...*

Кажется, комиссар говорил что-то еще. Кажется, в номер кто-то постучал, и даже вошел в гостиную, и даже вышел вон. Регина не слышала. Словно во сне, она выбралась на балкон – лоджия позволяла устраивать банкет на тридцать персон, но сейчас доктору ван Фрассен было тесно. Пальцы бездумно теребили концы пояса. Значит, сын Ника – аутист? Эмбриональная травма? Последствия атаки на «Цаган-Сара»? Проклятье, я не могу лечить сына Ника, я не стану его лечить...

– Не вздумайте бросаться вниз, – предупредил Фрейрен.

Большой, громоздкий, он стоял рядом. Рука комиссара деликатно придерживала Регину за локоток. Фрейрен сопел, кряхтел; от него остро пахло мужским потом. Он боится, поняла Регина. Это не шутка. Он действительно боится, что я выброшусь с балкона. Неужели я выгляжу суицидной истеричкой? Вместе с этой мыслью пришла злость, такая же, как при встрече с велеречивым господином Костандо. Злость не имела объекта приложения, но спасала уже сама по себе. Отрезвляла, возвращала ясность рассудку; как ни странно, злость напоминала комиссарскую руку.

– Я не буду лечить Артура Зоммерфельда.

– Будете. Больше некому.

– Я – не единственный психир в Ойкумене. Я даже не единственный психир на Ларгитасе.

– Зато вы – одна из немногих телепатов, допущенных к тайне «Цаган-Сара». Сотрудников службы Т-безопасности, вроде инспектора Рюйсдала, мы вычеркиваем. Также не берем в расчет диагностов, таких, как доктор Йохансон, и реаниматологов типа доктора Лонгрена. Остаются вы, маркиз Трессау и графиня Шеллен.

– Пусть Артура лечит доктор Шеллен.

– Она в больнице. Инсульт. Врачи гарантируют полное восстановление. Но это потребует времени, а его у нас нет. Вы же не капризная девчонка! Должны понимать, на каком уровне интересуются здоровьем Артура Зоммерфельда.

– Хорош уровень! Проморгать аутизм...

– Виновные наказаны.

– Пусть Артура лечит доктор Трессау.

– У него нет диплома Сякко. Он не сможет работать один, без бригады. А это значит – увеличивать круг посвященных. Нет, Трессау отпадает. Остаются вы, и только вы. Извините, я понимаю, что вам трудно. Личные отношения – внятный повод для отказа. Но отказ я принять не могу. Получается, что я выкручиваю вам руки...

– Неужели все Т-шники в курсе моих отношений с Николасом Зоммерфельдом? – спрашивая, Регина не сомневалась в том, что вопрос риторический. – И все мне ужасно сочувствуют?!

Комиссар пожал плечами:

– Я – в курсе. И очень вам сочувствую. Но выбора у нас нет.

V

Букет тигровых орхидей. Вазочка, стилизованная под калебас. Другая вазочка, плоская – с фруктами. Гуава, нго, «драконий рог». Гроздь черного винограда. Смолистый аромат – это ломтики манго. Бутылка коллекционного «Chateau le grand voyage». Бокалы на тонких ножках.

Стол в гостиной преобразился.

– Что это? Зачем?

Впервые Регина видела, как смущается железный комиссар.

– Портье прислал, – Фрейрен моргал, словно ему в глаз попала соринка. – Я заказал, еще когда ждал в холле... Что ж я, не человек? Сердца у меня нет, что ли? Ешьте нго, они полезные. Или нет, я сперва разолью вино...

Когда он взялся за бутылку, сделалось ясно: разольет.

Никаких сомнений.

– Соблазните? – мрачно осведомилась Регина. – Альтернатива цыпочке?

– Какой цыпочке?

– Шоколадной. На пляже. Забыли? Короткая у вас память на женщин...

– Мне шестьдесят восемь лет, – комиссар наконец справился со штопором и пробкой. – Я вдвое старше вас. У меня три сына. Про одного вы знаете. Остальные живут своими семьями. Я в разводе. Жена ушла от меня после гибели Генриха. Я – свободный нестарый мужчина. На Ларгитасе в моем возрасте успешно женятся на молоденьких. И заводят новых детей. Я не собираюсь жениться во второй раз. И, горите вы ядерным огнем...

Вино хлынуло в бокалы. Ни капли – мимо.

– ...меньше всего я намерен тащить вас в постель! Уяснили?

– Я вам не нравлюсь?

– Вы мне очень нравитесь. Но я боюсь, что контр-адмирал ван Фрассен после этого найдет меня на другом конце Галактики и расстреляет из эскадренных плазматоров. Пейте вино, ешьте фрукты. Минута слабости закончилась.

– Закончилась, – согласилась Регина. – У вас есть информация о ребенке?

– Есть.

Комиссар выложил свой уником на стол и коснулся сенсора.

– Артур Зоммерфельд, три года два месяца, – приятным контрольтю сообщила информателла. – Не откликается на имя при нормальном слухе. Не удерживает сколько-нибудь длительного контакта «глаза в глаза». Не обращается за помощью. Обнаруживает дефицит совместного внимания...

– Что это значит? – Фрейерен нажал на «паузу».

– Совместное внимание? Ребенок не пытается привлечь внимание других к заинтересовавшему его предмету. Ни словом, ни жестом.

– А-а...

– ...не пытается чем-то поделиться, – продолжила информателла. – Использует другого человека так, как будто это неодушевленный предмет. Вышеуказанные признаки проявляются в поведении ребенка постоянно. Речью фактически не владеет. Навыки опрятности слабо развиты...

– Остановите.

Регина отпила глоток. Сжевала виноградинку, даже не пытаясь уловить букет напитка. Вкус винограда тоже остался незамеченным. Казалось, все вкусовые пупырышки разом атрофировались. Перца мне, подумала она. Черного молотого перца. Пригоршню.

– Ребенок на Ларгитасе? У бабушки?

– Нет. Два месяца назад Николас Зоммерфельд забрал сына у своей матери. Прямо с дня рождения Артура. Насколько мне известно, это сопровождалось грандиозным скандалом. Гертруда Зоммерфельд с сердечным приступом была госпитализирована. Тем не менее, Николас настоял на своем, и вывез сына с Ларгитаса.

– Куда?

– Шадруван. Николас Зоммерфельд – посол Ларгитаса на Шадруване.

– Где это?

– Дыра, – лаконично обрисовал ситуацию комиссар. – За краем Ойкумены. Насколько я в курсе, после смерти жены дипломат Зоммерфельд повел себя неадекватно. Лез, куда не просили. Грубил, кому не следует. Совал нос в медвежьи капканы. Вот и прищемили.

– Его сослали?

– Отнюдь. Его перевели с повышением. Из консулов – в послы. Говорят, прибыв к месту нового назначения, он начал пить. Или курить – я уж не знаю, чем глушат мозги на этом Шад-

руване. Местные отнеслись с пониманием. Во всяком случае, посол жив-здоров. И недавно воссоединился с любимым сыном, о котором и знать не хотел три долгих года.

Регине ясно представилась эта сцена. Глушь, дикари и вдребезги пьяный Ник. Малыш, которого Ник отобрал у бабушки. «Использует другого человека так, как будто это неодушевленный предмет...» Ник, зачем ты отнял сына у Гертруды? Зачем вывез ребенка с Ларгитаса? Хотел быть вместе с сыном? Или использовал его, как неодушевленный предмет, для мести матери? Болен ты, Николас Зоммерфельд, вдовый посол, или спился, или просто на ножах со всем миром – в любом случае...

– Вы озаботились билетами на Шадруван, комиссар?

– Да. Вылет послезавтра, в 16:30. Успеете собраться?

– Успею.

– Контр-адмирал ван Фрассен предупрежден. Главврач клиники – тоже. Можете не волноваться. Вот ваш билет, а вот проездная для вашей твари. Я же знаю, вы без нее никуда не полетите...

Потом они допили вино.

– Почему вы так быстро согласились? – спросил комиссар, выяснив, что посылать за второй бутылкой не надо. – Честно говоря, не ожидал.

– Вы убедительней, чем господин Костандо, – ответила Регина.

– Фредерико Костандо? Ну у вас и знакомства...

КОНТРАПУНКТ РЕГИНА ВАН ФРАССЕН ПО ПРОЗВИЩУ ХИМЕРА

(из дневников)

Мама как-то рассказывала мне о диспуте, случившемся в глубочайшей древности между двумя священниками, чья религия давно позабыта, и профессором анализа в Политехнической школе, основателем ларгитасской классификации наук.

Священники утверждали:

«Учение о категориях не только бесполезно, но и опасно. Оно приучает людей к пустословию. Оно заставляет думать, что люди все знают, хотя люди помнят и знают только одни слова!»

Профессор отвечал:

«Естественное распределение наук помогло бы образовать верным образом отделения Института, который хвалится совокупностью всех человеческих знаний. Естественное распределение наук помогло бы правильно разделить методическую энциклопедию. И наконец, естественное распределение наук произвело бы счастливую перемену в их преподавании...»

Победил профессор. Этот день, сказала мама, можно считать днем рождения Ларгитаса – того, каким мы его знаем сейчас. Я согласилась с ней, но позже самостоятельно нашла в архивах труды злополучных священников. Особенно мне запомнилось вот это:

«Есть знаки вполне достоверные (как, например, дыхание есть знак жизни животного) и есть знаки вероятные (как, например, бледность есть только вероятный знак беременной женщины). Большинство смелых, но

безосновательных суждений происходит от того, что человек смешивает эти два вида знаков...»

Иногда мне кажется, что основательность – это умение разделять, опираясь на разум. Но смелость – это талант смешивать, опираясь на интуицию. Одно без другого ущербно.

Мама вряд ли бы со мной согласилась.

Глава вторая

Мальчик, который жжется

I

Первый этап перелета ей не запомнился. Рутинна на таможне: паспорт, виза, командировочные документы. Паспорт Фриды, справки о прививках, свидетельство о контроле; разрешение на перевозку всеми видами транспорта. Фрида, в барсовой ипостаси, вела себя примерно: улеглась возле чемодана, делала вид, что дремлет. Домашняя кошка, да. Ну, большая выросла – бывает. Это хозяйка виновата!

Раскормила.

Вот когда Регина впервые возила Фриду к жениху... Слово «случка» не нравилось доктору ван Фрассен. Поэтому она объявила Фриде, что они едут играть свадьбу. Жених, значит, заждался. Фрида наострила уши, громким мявом заставила все повторить – и пришла в нездоровое возбуждение, нарезая круги по дому. Ипостаси химера меняла на каждом третьем круге.

Пришлось срочно вести любимицу на прогулку.

В космопорту Фрида была сама не своя. Ластилась и заигрывала со всеми подряд, включая лейтенанта пограничной службы. Зверюга была готова выйти замуж прямо здесь, за первого встречного. Хорошо хоть, ящерихой не оборачивалась. Лейтенант бы не оценил. С женихом Бартом – как и невеста, горалом-барсом-целофузисом – химера сошлась мгновенно. Барт, кажется, с первого раза даже не понял, что уже. В положенный срок Фрида родила четырех крепких и здоровых детенышей. Регина опасалась, как бы перенесенный Фридой в детстве «конфликт ипостасей» не оказался наследственным. Ничего, обошлось. Желающие обзавестись маленьким чудом образовали целую очередь, и Регина дотошно выбирала, в чьи руки отдать пару доставшихся ей Фридиных отпрысков. Через полтора года Барт в сопровождении хозяйки – ландшафтного дизайнера с Чейдау, колонии Ларгитаса – нанес Фриде ответный визит, осчастливив трехликую мамашу еще пятью химерками.

Следующую встречу зверей хозяйки планировали будущей зимой.

Сейчас Фрида, привыкшая к перелетам, вела себя пайнкой. Это дало Регине возможность ознакомиться с материалами, залитыми Фрейреном в ее коммуникатор. Стереотипия... компульсивное поведение... коэффициент первичной социализации... Кто проводил осмотр? Ага, доктор Йохансон. Еще один посвященный в тайну «Цаган-Сара». Диагнозу Йохансона она доверяла. Гормональные нарушения... разбалансировка возбuditельно-тормозных нейросетей...

А вот и снимки.

В голосфере уникама возник щекастый бутуз. Регина мимо воли задумалась, похож ли Артур на отца, каким тот был в детстве – и не вспомнила. Маленький Ник стерся из памяти. Бутуз, словно упрекая ее за это, недовольно поджимал губы. Отсутствующий взгляд карих глаз был устремлен в пространство. Ребенок видел нечто, недоступное взрослым, и зрелище полностью завладело им. Еще снимок. Артур Зоммерфельд сосредоточенно расставляет игрушки. Нет, не играет – *расставляет*. Идеально ровная вереница пластиковых утят и зайцев, слонов и ящеров, пупсов и солдатиков – она протянулась через полкомнаты. Игрушки стояли в строгом, недетском порядке. Сначала – самые мелкие, за ними – те, что побольше; все – лицами и мордами в одну сторону, колонной в затылок друг другу. Первые – зверюшки, за ними – куклы-человечки...

Глядя на строй, можно было не сомневаться в диагнозе.

– Уважаемые пассажиры! Наш лайнер выходит на орбиту Никеи, второй от центра планеты в звездной системе Астронга-II. Время до посадки...

В зале прибытия ее должны были встретить. Момент, когда рядом образовался субъект в мятой форме техника, Регина проморгала.

– Госпожа ван Фрассен? С прибытием на Никею.

– Спасибо.

– Я отвезу вас на чартерный космодром. Позвольте ваш багаж.

Интонации у встречающего были подстать внешности: тусклые, как засиженное мухами стекло. Фрида фыркнула и отвернулась. Техника химера не сочла достойным внимания.

– Чартерный?

– На Шадруван нет регулярных рейсов. Идемте.

Без возражений Регина отдала чемодан. Мембрана на выходе чмокнула, выпуская наружу людей и химеру. Над головами, грозя упасть и раздавить, повисло низкое небо. Оно было цвета пыльной латуни. На стоянке, отбрасывая нечеткие тени, скучала дюжина мобилей – пыльных, как небо. Вид у них был такой, словно они простояли здесь пару месяцев, забытые и никому не нужные. Поодаль замер всестихийник, похожий на акулу. Сопровождающий махнул рукой: это, мол, наш. Регина на ходу огляделась. Приземистые купола космопорта, ряд промышленных зданий. К горизонту уходит линия шоссе. Лесопосадка. Деревья напоминали разлапистые зонтики. Кроны отблескивали старым янтарем. Это смотрелось бы красиво, если б не муть, висевшая в воздухе. Из-за нее цвета смазывались, сводясь в итоге к двум: серому и грязно-желтому.

– Почему такая странная видимость?

– Пыль. В атмосфере Никеи масса пыли.

Фрида с возмущением чихнула, подтвердив слова техника.

– Это же вредно для здоровья! Как вы тут живете?

– Вредно. Живем. На всех дверях – мембраны. На улице мы обычно пользуемся фильтрами. Но пять минут, как сейчас – не страшно. Прошу.

Дверца мягко скользнула вверх. Под ней вход в машину защищала такая же мембрана, как на дверях космопорта. Регина подтолкнула недовольную Фриду и забралась в салон следом за химерой. Места с избытком хватило обеим – не то что в «Шмеле» комиссара Фрейрена. Водительское кресло было отделено от пассажирских непрозрачной перегородкой.

– Прошу извинить, – раздался в акуст-линзе голос сопровождающего. – Видами во время полета здесь не очень-то полюбишься. Будем идти в «коконе». Без него машины через месяц из строя выходят. Если хотите, я поставлю вам запись обзорной экскурсии...

– Спасибо, не нужно.

– Как скажете. Взлетаем. Полчаса, и мы на космодроме.

Отыскав нужную панель, Регина задала корпусу режим прозрачности. Она ни разу не видела, как выглядит изнутри плазменный кокон всестихийника. Чуть слышно завыл двигун, машина вздрогнула – и прыгнула вверх на включившейся А-тяге. Ускорения не ощущалось: компенсаторы инерции работали исправно. Просто земля провалилась в тартарары, а мигом позже вокруг «акулы» разлилось нежное свечение: машина перешла в горизонтальный полет. Более всего кокон напоминал полярное сияние. Сполохи струились вдоль корпуса, глубокий аквамарин перетекал в зелень изумруда – и дальше, в лимонную желтизну, охру и кармин. Зрелище завораживало. Когда кокон погас, и внизу проступило термосиловое покрытие космодрома, Регина не сдержала разочарованный вздох.

С небес – на землю. В прямом смысле слова.

Корабль стоял в двадцати шагах. Один-единственный на весь крохотный космодром. Малый экспедиционный рейдер – черный конус МЭРа дочь адмирала ван Фрассена узнала

сразу. Типы военных кораблей Ларгитаса она в детстве выучила назубок – по собственной, кстати, инициативе. Назначение, размеры, масса, вооружение; ТТХ, численность экипажа... Надо же: до сих пор не забыла!

– Прошу на борт. Старт через двадцать три минуты. На борту примете вот это.

Техник протянул Регине желтую капсулу размером с ноготь.

– Что это?

– Полезно для здоровья.

– А ей, – Регина указала на химеру, – не нужно?

– Нет.

Пожав плечами, она взяла капсулу. Не отраву же ей дали, в конце концов? У трапа их встречал пожилой штабс-овер-боцман. Вислые, снежно-белые усы – точь-в-точь моржовые бивни – приковывали к себе все внимание, лишая боцмана остальных примет. Усач, и баста. Форма на вояке сидела так, словно он в ней родился. Пуговицы сияли, как вызов пыльной атмосфере Nikei. Нашивки, орденские планки... А лицо – жеваное. Последствия «безвоздушки» – разгерметизации отсека. Пластику делать не стал, хотя мог бы, за казенный кошт...

– Госпожа ван Фрассен?

– Да, это я.

– Приложите ладонь к идентификатору, – боцман сверился с записью в портативном терминале. – Простите, вы случайно не родственница капитан-командора ван Фрассена?

– Дочь, – улыбнулась Регина. – Только мой отец уже контр-адмирал.

– Надо же! Не знал... Совсем одичал в этом грязном мешке. Вы отцу-то привет от меня передавайте, хорошо? От Гельмута Шпрее, капрала. Я, когда с ним на «Громобое» служил, в капралах ходил. Славные времена были... Ох, что это я! Добро пожаловать на борт «Покорителя»!

– «Покоритель» – военный корабль?

– Бывший, – вздохнул боцман. – Большую часть вооружения сняли, под транспортник переделали... Но посудина хоть куда! Всю Галактику навывлет...

На борту вахтенный офицер предложил Регине четыре каюты на выбор.

– У вас много свободных мест?

– Так мы же на Шадруван идем, – удивился офицер. – Вы – единственная пассажирка. Вернее, вы и ваша...

– Химера.

– Да-да, конечно. Вы с ней в одной каюте будете? Или отдельную подготовить?

«В какую же это дыру заслали Ника, что туда и не летает никто? – подумала Регина. – Списанный, но вполне работоспособный рейдер. Экипаж из военных. Чартерный рейс...» Вслух она ничего не сказала. По лицу офицера и без телепатии ясно читалось: лишние вопросы – лишние проблемы.

– В одной. Сколько лету до Шадрувана?

– Трое суток. Располагайтесь. А я вынужден вас покинуть. Старт через двенадцать минут.

Дождавшись, когда «Покоритель» ляжет на траекторию разгона перед РПТ-маневром, Регина сунулась в бортовую инфо-сеть. Конечно, сведения о Шадруване следовало поискать раньше, но и в рейдерском инфоре их обнаружилось с лихвой. Планету открыл «Фурор», бриг Ларгитаса, десять лет назад. Масса, гравитация, период обращения, наклон оси... Атмосфера пригодна для дыхания. Микроорганизмы успешно нейтрализуются стандартной биоблокадой. Флора, фауна; полезные ископаемые. Руды тяжелых металлов, редкие изотопы...

Не в этом ли кроется интерес родины к Шадрувану?

На планете обнаружена цивилизация. Ранняя технологическая стадия развития. Развитое градостроительство, ремесла; государственная система, религия... Два года назад с Шадруваном были установлены дипломатические отношения. Параллельно с дипломатами на

планете работают несколько экспедиций. Геологоразведка, биологические исследования. Вахтовые партии: смена раз в год. Неудивительно, что туда мало кто летает. А рейдер отлично подходит для доставки исследователей и грузов.

На орбиту Шадрувана «Покоритель» вышел в срок.

– Прощальный завтрак, госпожа ван Фрассен! – слова капитана прозвучали двусмысленно. Всю дорогу он пытался шутить с пассажиркой, и даже с ее химерой, и всякий раз неудачно. – Челнок ждет вас.

– Челнок? Мы разве не сядем на планету?

– Нет. Космодрома там еще не построили. Хотя ради вас я, – капитан напрягся, рожая очередную шутку, – готов разворотить полгорода!

Челнок был легкий, четырехместный. Грузовое отделение – язык не поворачивался назвать его «багажным» – гораздо больше пассажирского. Из-за этого челнок имел грушевидную форму. «Летит груша, нельзя скушать,» – прокомментировала Регина. Капитанское чувство юмора оказалось заразным. Фрида по-хозяйски разлеглась на сиденье, пристроив голову на коленях хозяйки. Поза означала приказ: «Чесать и гладить!»

– Надеюсь, мы полетим не в коконе? Я смогу полюбоваться пейзажем?

– Четыре «окна» по периметру вас устроят? – ухмыльнулся молоденький лейтенант-пилот. – Давать полную прозрачность при входе в атмосферу по инструкции не положено.

– Спасибо.

Черный конус «Покорителя» исчез из виду, едва челнок выплыл из пасти ангара. Густая смола космоса, хорошо видимая в верхних «окнах», блестела россыпями искр. Почти сразу она приобрела фиолетовый оттенок; звезды тонули в смоле, тускнели, гасли. В нижних «окнах» медленно проворачивался шар – желто-голубой с прозеленью – разбухая, как на дрожжах, окутываясь млечным туманом. Челнок нырнул в молоко, пронзая облачный слой. Минуты «слепого» спуска – и внизу распахнулась панорама Шадрувана. Солнце, полыхая за кормой челнока, играло отсветами на узкой ленте реки. Расплавленный металл тек через буйство зелени и дерюгу полей. Когда возник город, он показался Регине знакомым. Ну конечно! Одну из записей в инфоре делали с этого ракурса. Башни, купола, чешуя крыши; арки мостов через реку...

– Садимся, – уведомил пилот. – Добро пожаловать на Шадруван.

«Всю дорогу я не думала о Нике, – сказала себе доктор ван Фрассен. – Я и сейчас о нем не думаю.» Лжешь, возразил кто-то. Лгу, согласилась она. Ну и что?

Ну и ничего, ответил кто-то.

II

Челнок сел прямо в городе, у моста. Выбравшись наружу, Регина долго вертела головой в поисках хоть чего-нибудь привычного. Воображение, не в силах справиться с шокирующей реальностью, ловко подсовывало фантомы. Таможня, пограничники, контроль паспортов. Дисплеи с временем прилета-отлета. Объявления инфо-службы. Турникеты, эскалаторы. Пассажиры, наконец! Ничего этого не было. Был мост, закат и крики птиц над рекой.

– Обещали встретить, – доложил пилот. – Опаздывают.

Река была так себе: мутная, неказистая. Не красавица на балу – работяга, широкая кость. Воду оккупировали стаи пернатых: чайки, утки, кулики. От их гвалта хотелось заткнуть уши. Зато мост вышел на удивление. Резной, невесомый, он радугой плыл в воздухе. Солнце, клонясь на покой, подсвечивало его не хуже прожектора. В центре, камнем в оправе перстня, располагался восьмиугольный павильон, выстроенный, как и мост, в два этажа. Кажется, там были люди, но челноком они не интересовались.

Регина взялась считать арки и сбилась: то ли двадцать, то ли больше.

– Я сейчас, – сказала она пилоту. – Я недалеко.

Фрида увязалась за хозяйкой, ворча и порывивая. Химере на Шадруване не нравилось все, начиная мостом и заканчивая куполами далеких дворцов. Особенно Фриду раздражали птицы. Ее бы воля – сожрала бы всех. Зато фигура странного зверя, ради которого Регина, собственно, и спустилась к реке, оставила химеру равнодушной. Статуями она не интересовалась. Высеченный из желтоватого камня, зверь походил на гибрид льва и собаки. Грива его, исполненная резчиком в виде узкой спирали, больше напоминала ошейник. В разинутой пасти зверь что-то держал.

Регина подошла ближе, пригляделась, и ей стало неприятно.

Клыки сжимали человеческую голову. В отличие от львопса, исполненного в нарочито примитивной манере, голова до мелочей походила на настоящую. Лицо, обращенное к доктору ван Фрассен, кривилось в непередаваемой муке, словно голова до сих пор жила и страдала. Вспомнился гусь, высунувший голову из кувшина. Впору переделать любимую загадку Старика на шадруванский лад:

«Монстр проглотил младенца. Ребенок вырос внутри монстра, став взрослым человеком. Как освободить несчастного, не убивая монстра?»

– Так будет с каждым, – сказали за спиной, – злоумышлявшим на его величество, шаха Хеширута IV. Этих чудовищ в городе полным-полно. Их ставят с незапамятных времен. Меняется только имя его величества. Местные шахи долго не живут...

Она не узнала Ника. Между ними стояли тринадцать лет и одно предательство. Да и Николас Зоммерфельд стал другим. Юношу сменил мужчина. Румянец уступил место смуглому загару. Наивность – опыту. Порывистость – скупости жестов и движений. Былая гладкость щек – аккуратно подстриженной бороде. Одежда поражала варварской пышностью: темно-синие шаровары, парчовый, густо затканый розами кафтан. Голову украшал колпак с меховым, несмотря на жару, околышем. На поясе у господина посла висела сабля.

– Он там, – Ник указал на павильон. – Шах Хеширут.

– Любуется закатом? – спросила Регина.

– Пожалуй. Слышишь музыку?

Действительно, от павильона текла мелодия: тягучая, сладкая.

– Он слепой, – бросил Ник. – Слепой мальчик четырнадцати лет, правитель Шадрувана. По приказу деда, редкостного самодура, ему прокололи зрачки иглами. Пять лет назад. Деда через восемь месяцев убили заговорщики. Началась смута. Грызлись насмерть, рвали страну на части...

При слове «страна» он насмешливо скривил рот. Регина не поняла, почему. Наверное, Ник отказывал дикому Шадрувану в праве именоваться страной. В присутствии шадруванцев посол обязан был держать свое нелестное мнение при себе, но, беседуя с ларгитаской, Ник мог не сдерживаться.

– Мальчик сел на трон при поддержке Кейрин-хана, самого зубастого из здешних племенных бандитов. Бандит сел бы сам, но его не признали бы шахом. Не та кровь. А как регента – ничего, съели. Так и живем, доктор ван Фрассен.

– Зачем ты мне это рассказываешь?

– Не знаю. Надо же о чем-то говорить? Я был против твоего прилета. Глупо, больно; никакого смысла. Но мне не оставили выбора, – под глазом у Ника заплясала синяя жилка. – Обещали прислать доктора Шеллен. И обманули.

– У Шеллен инсульт.

– Может, да. Может, нет. Я никому не доверяю, Ри. Меня все обманывают. Мать, жена, судьба. Вино. Министр иностранных дел. Все лгут мне. Ничего, я заслужил.

– Жена-то чем тебя обманула?

– Она умерла, – сказал Ник, словно это все объясняло. – Пойдем.

Возле челнока их ждал паланкин. Трое чернокожих носильщиков, голые по пояс, при виде Регины низко-низко поклонились. Каждый из детей с легкостью вышел бы в финал на чемпионате Ларгитаса по атлетизму. Но паланкин, куда при желании влез бы средних размеров слон, вызывал серьезные подозрения: всего трое? Неужели поднимут? И баланс удержат – втроем?!

– Антиграфы, – развеял сомнения Ник. – Техник посольства спрятал их в платформе. Носильщики нужны для отвода глаз. Они считают нас волшебниками. Вся троица – немые; на всякий случай. Ты удивлена?

– Нельзя было прислать мобиль?

– Нельзя. Контакты с Шадруваном едва налажены. Приходится сглаживать остроту цивилизационного шока. Не бойся, в паланкине ты будешь одна. Я поеду на лошади.

– А я и не боюсь...

Она лгала. Николас Зоммерфельд сказал, что ему все лгут, и был прав – даже не озвучив Регину в общем списке. Оказаться с ним в одном паланкине, просторном для двоих, но слишком тесном для тринадцати лет разлуки и одного предательства? Это было последнее, чего Регине хотелось бы. Узнав, что Ник поедет верхом, она испытала облегчение, и вслед за облегчением – стыд. Ты – врач, дура. А он – отец твоего пациента. Мать ребенка сгорела у тебя на глазах. Ты ничего не могла сделать для Амалии. В это время ты обеспечивала последнюю волю ван Седельрика – «...коллекцию же курительных трубок завещаю моему внуку Микаэлю...»

Все, закрыли тему.

– Красивый зверь. Не кинется?

– Кто? На кого?

Регина вдруг сообразила, что совершенно забыла о Фриде. Беззвучная, как тень, химера сидела рядом. Желтый взгляд ее мимоходом скользил по Нику – и вновь, с маниакальным упорством, возвращался к вороной кобыле, которую держал под уздцы один из носильщиков. Нервничая, кобыла стригла ушами. Фрида же была спокойней камня. Лишь слегка подергивался кончик хвоста.

– На меня, – рассмеялся Ник. Смех был скрипучим и резким. – А ты что подумала? Лошадь не жалко, у меня их целая конюшня...

III

– Я не хотела лететь сюда, – сказала Регина.

– Я не хотел, чтобы ты прилетала сюда, – сказал Ник.

Сперва она не поняла. Она еще жила дорогой через варварский город. Паланкин, слегка покачиваясь, плыл сквозь ночь, упавшую с небес, как орел на добычу. Впереди, соткавшись из сумерек, бежал мальчишка с факелом. Света от факела было мало; впрочем, как и от масляных фонарей, горевших кое-где, и от свечей в окнах. Раздвигая занавески, Регина видела Шадруван – так видят нагого мужчину во тьме, пронизанной редкими лучами звезд. Щека, плечо, запястье, мелькнувшее юркой рыбой; сильное бедро, колено – нет целого, не складывается... Город проступал из мрака, чтобы поманить и исчезнуть. Геометрически ровные улицы. Спутанный клубок переулков. Барельефы ворот. Портики со сталактитными нишами. Одинокий фонтан: рыба извергает струю воды. Колонны, вставшие на спинах львов. Арки моста – второго, пятого, десятого. Вслед паланкину из кофейни несется хохот и музыка.

Да, музыка.

Она преследовала Регину, как когда-то на Сякко. Сестры – сякконка и шадруванка – только здешняя пышней и темпераментней. Так разнится один и тот же сорт вина, если первую чашу пить, налив из бутылки, а вторую подогреть, добавив меда и пряностей.

– Нет, не хотел, – повторил Ник.

– Почему? – спросила Регина.

Ник не ответил.

Они сидели в посольстве Ларгитаса, на балконе третьего этажа. Спать не хотелось. Служанка принесла кофе и сладости. Регина позволила себе засахаренный орешек. Ну ладно, еще пастилку. Глупо наесться на ночь. Глупо полуночничать с Николасом Зоммерфельдом. И уж точно глупей глупого изумляться тому, что Ник не хотел ее прилета. Поглощенная собственными переживаниями, в борьбе с памятью, она даже мысли не допускала, что Нику тяжело видеть ее. А отдать в ее руки судьбу сына – тяжелей вдвойне.

– Кого ты хотел?

– Доктора Шеллен. Маркиза Трессау. Кого угодно, только не тебя.

– Мог бы отказаться.

– Не мог. Меня заставили. Думаю, тебя тоже.

Теперь не ответила она.

– Мать пишет мне. Пробовала связаться через гипер. Я отклонил вызов, – плеск волн вторил размеренной, спокойной речи Ника. Господин посол рассказывал о конфликте с матерью, как о малозначащем пустяке. – Не хочу ни видеть, ни слышать ее. В целом, я рад, что очутился на Шадруване. Птенец вернулся в скорлупу. Так легче.

Показалось ей, или голос Ника дрогнул при словах о скорлупе?

– Здесь дичь, Ри. Великолепная, хищная дичь. Жестокая, как природа. Никуда не выходи без сопровождающих. Я выделю тебе сильных рабов. На улицах ни во что не вмешивайся. Час ходьбы от посольства – дальше не забирайся. Не жалея нищих. Иначе не отстанут. Торгуйся при покупках.

– Продавцы знают унилингву?

– Нет. Торгуйся все равно. Иначе тебя станут презирать. Или просто запоминай, что хотела бы приобрести. Я потом велю все это купить. И вот еще...

Он помолчал, вдыхая аромат кофе.

– Я знаю, ты в состоянии взломать мне мозги. В любую секунду. Я ничего не замечу. Да, когда-то ты обещала этого не делать. Но времена меняются, и мы меняемся, Ри. Не делай этого. Даже если очень захочется. А если все-таки не удержишься... Никогда, ни при каких обстоятельствах не пытайся выяснить, что я знаю о Шадруване.

– Это государственная тайна?

– Неважно. Не пытайся, и все. Хорошо?

– Я и так бы не полезла тебе в голову, – Регина обиделась. – Зачем ты мне это говоришь? Чтобы я, сгорая от любопытства, нарушила закон? Это провокация, да?

– Ты сильнее меня. Ты всегда была сильнее. Таких, как ты, лучше предупреждать заранее. Тогда при необходимости ты удушишь любопытство голыми руками.

– Шутишь?

– Да.

И сейчас, и раньше тон Ника был убийственно серьезен.

– Расскажи мне про сына.

– Ты не ознакомилась с диагнозом?

– Я хочу услышать от тебя.

– Артур практически не говорит. Так, лепет. Иногда, если голоден, произносит: «Ам-ам». Не использует игрушки по назначению. Играет с тряпочками и бумажками. Бывает, что с обувью. Еще – кубики. Много рисует. Каракули – «человечки», «деревья»...

– Есть сходство с объектом?

– Слабое.

– На свое имя реагирует?

– Нет.

- Навыки?
- Не можем приучить к горшку. Отказывается есть самостоятельно. Не любит, когда к нему прикасаются. Терпит меня и няньку. Томограмма мозга показала, что органических нарушений нет. Впрочем, это ты и сама знаешь.
- Реакция на чужих?
- Плохая. Раньше кричал. Сейчас замыкается в себе. Боится остаться наедине с малознакомым человеком. К общению не стремится. Бесстрашен: лезет на высоту, сует руку в огонь. Упав или обжегшись, скорее изумляется, чем плачет.
- Ориентация в пространстве?
- Нормальная. Хотя... У меня такое впечатление, что Артур не может запомнить одно и то же место. Даже свою комнату. Она для него всегда внове. Что это значит?
- Давай обождем с выводами. Я просто накапливаю информацию. Ребенок агрессивен?
- В целом, нет.
- Приступы гнева?
- Гнев он обращает против себя. Бьется головой об стену. Отвешивает себе затрешины. Если не прекратить это силой, может «казниться» очень долго. Спасаемся музыкой.
- В смысле?
- Под ритмичную музыку Артур начинает качаться с ноги на ногу. Полагаю, это его любимое развлечение. Я не могу уделять ему много внимания... Разбудить няньку? Она сидит с ним целый день...
- Не надо. Завтра переговорю. Нянька знает унилингву?
- Еле-еле. Не волнуйся, я переведу. Или Каджар-хабиб. Это здешний доктор. Оригинальная личность: поэт, звездочет, врач. Унилингву освоил за год. Он часто бывает у меня в посольстве. Тяжелая судьба: был в опале, теперь в почете... Пошли спать, а? Завтра трудный день. Тебе приготовили гостевую комнату...
- Не хочу спать.
- Надо. С утра я покажу тебе Артура. А вечером мы отправимся на прием к его величеству. Если тебе не во что одеться, скажи. Я велю подобрать самое лучшее.
- Слышать от Ника «я велю» было странно. Приходилось все время напоминать себе, что это Николас Зоммерфельд, и никто иной. Жених с «космической свадьбы». Жених хуторской кутхи-молодухи. Предатель-Ник. Вдовец-Ник. Отец-Ник. Так трогают языком больной зуб, всякий раз удостовераясь: да, болит. Трогать – бессмысленно; не трогать – не получается.
- С мужчиной, сидевшим напротив, хотелось познакомиться заново.
- На прием? К шаху?!
- Его величество любопытен. У слепца не так много радостей. Я обязан подавать рапорт в шахскую канцелярию о прилете каждого ларгитасца. И всякий раз Хеширут устраивает прием. Ты отрекомендована, как великий врач. Не бойся, от тебя ничего не потребуется. Поужинаем, послушаем музыку. Отделаемся дежурными восхвалениями. Веди себя спокойно и почтительно. Когда кланяюсь я, кланяйся и ты.
- Я могу отказаться?
- Нет. Это Шадруван. Тут не отказывают его величеству.

IV

Пробуждение было интригующим. Сладко потянувшись, Регина с минуту пыталась сообразить, где находится. Шелк простыней, легкое покрывало. Перина, нежная, как мать. Размеры ложа потрясали: впору групповые оргии устраивать! Монументальный балдахин возносился ввысь на четырех резных столбах. Парчовый полог наполовину отдернут, открывая часть спальни. Столик-бюро на кошачьих лапах, зеркало в раме из темного серебра. По стенам –

орнамент из лоз и цветов. Невиданные птицы с крыльями-саблями: пурпур, бирюза, охра. Окно диковинной, несимметричной формы; переплет из бронзы...

«Шадруван. Посольство Ларгитаса. Гостевая комната,» – подсказал рассудок, стряхивая сонную одурь. Регина машинально бросила взгляд на браслет-татуировку. Половина девятого по местному времени. Хватит разлеживаться, доктор ван Фрассен!

Вас ждет работа.

Босые ноги по щиколотку утонули в мягком ворсе ковра. Мигом позже скрипнула дверь, ведущая в соседнее помещение, и в спальне объявилась Фрида. С утра она избрала горалью ипостась, и зря. Коза с подозрением уставилась на ковер: это еще что такое? Не родичей ли шерсть?

– Осваивайся, – рассмеялась Регина. – А я приму душ. Не в курсе, где он тут?

Вместо душевой нашелся целый «банный покой». Сплошь полированный мрамор: пол, стены, потолок... Ванна была вытесана, похоже, из цельной глыбы: нежно-кремовая, с тончайшими персиковыми разводами. Воплощение варварской роскоши. Зато краны отсутствовали, как класс. И душ – за компанию. Взамен на полке красовалась полудюжина серебряных черпаков: от миниатюрного, игрушечного – до ведерного. Ну ладно, черпаки. А где прикажете воду брать? Ах, да, это же Шадруван!

Тут, небось, все слуги делают.

В углу с потолка свешивался шнур с кисточкой на конце. Регина протянула к нему руку – и замерла в нерешительности. Сама мысль о том, что ее будет обслуживать живой человек, выполняя функции простейшей автоматики, казалась нелепой и унижительной. Но выбора не было. Поколебавшись с минуту, она с решимостью солдата, жертвующего собой ради победы, дернула за шнур. Вместо ожидаемого звона колокольчика послышался легкий шелест. Краем глаза Регина уловила какое-то движение и торопливо обернулась, едва не упав на скользком полу. Одна из мраморных плиток над ванной отъехала в сторону, явив взору привычную панель управления. Добро пожаловать в комфорт, доктор ван Фрассен!

Вот так, значит, оберегают туземцев от «цивилизационного шока»?

После душа, одевшись и наскоро обследовав апартаменты, Регина обнаружила ряд потайных «техно-сюрпризов». В бюро прятался универсальный терминал, подключенный к внутри-посольской сети и базам данных. В недрах платяного шкафа – гладильно-прачечный автомат, замаскированный под антикварный сундук. В изголовье кровати нашелся пульт климатизатора и освещения. Стекла окна исправно меняли прозрачность. Смежную каморку, где поселили Фриду, Регина решила обследовать позже. А вот и еще один шнур. Что тут у нас? За стенойбрякнул колокольчик, и почти сразу в дверь постучали.

– Да-да, входите!

– Свет утро и сияй день, господжа...

В дверях, скромно потупившись, замерла служанка – совсем юная, считай, девочка. Точный овал лица, смуглая кожа. Волосы, черные и блестящие, как антрацит, аккуратно убраны под круглую, вышитую бисером шапочку. Оливкового цвета платье до пят. Симпатичная. Фигурка – обалдеть... Интересно, Ник с ней спит? Секундой позже Регина обругала себя за гадкую мысль. Тебе-то какое дело, подруга?!

– Доброе утро. Как тебя зовут?

– Лейла, господжа.

С унилинговой Лейла была на ножах.

– А меня – Регина. Вот и познакомились.

«Может, стоило представиться по фамилии? С титулом? Баронесса ван Фрассен? Надо было заранее выяснить, как обращаться к слугам в этой дыре...»

– Господь посол ждатель. Господжа прошю завтрак.

– Идем, Лейла.

Фрида, естественно, увязалась следом.

На стенах коридора мигали масляные светильники. Приглядевшись, Регина уверилась, что охристое пламя – иллюзия, под которой скрываются плазменные «солнышки», горящие в четверть накала. Свернув вправо, коридор уперся в двустворчатую дверь, инкрустированную перламутром и вездесущим серебром.

– Едальня, господжа...

V

– ...а еще он не любит тактильных контактов.

Матильда Клауберг, кавалер-дама детской психопатологии и баронесса дошкольной педагогики, смотрелась родной сестрой комиссара Фрейрена. Сходство заключалось не только в завидном телосложении госпожи Клауберг. Воспитательница Зоммерфельда-сына проводила «инструктаж» доктора ван Фрассен так, словно та была стажером-желторотиком. Ни дать ни взять, полковник спецназа инструктирует молоденького лейтенанта перед первым заданием.

– Быстро приходит в нервное возбуждение. Начинает отбиваться, кричать. Потом его очень трудно успокоить. Если вам захочется взять ребенка за руку или погладить по голове, настоятельно рекомендую воздержаться. По крайней мере, в первые дни.

– Я обязательно это учту. Что еще мне следует знать?

– Он не терпит, когда ему смотрят в глаза.

– Не терпит? Или не может удержать фокусировку взгляда?

– Я сказала: не терпит. А я всегда точна в высказываниях. Фокусировку он держит, если хочет. На любимой тряпочке. На дисплее, когда рисует. Зато контакт «глаза в глаза» не переносит. Не вздумайте заставлять его! Это может плохо кончиться. Лейла однажды...

Матильда осеклась и, вздрогнув, отвела взгляд – словно решила наглядно продемонстрировать поведение маленького Артура.

– Продолжайте. Что сделала Лейла?

– Это не важно.

– Я сама решу, что важно, а что нет! – вспыхнула Регина. Вернее, показала зубки, оставаясь в душе холодной, как лед. Госпожу Клауберг пора было поставить на место. – Что вы себе позволяете, баронесса? Я, специалист высшей квалификации, бросаю все дела, лечу сюда через полгаллактики, а вы пытаетесь скрыть от меня информацию о пациенте?!

– Это было единственный раз...

– Конкретнее!

– Больше ничего подобного не случилось. Я сама до конца не уверена...

Куда и делась грозная комиссарша? Лапочка, центнер живого радушия.

– ...да и Лейла ничего не помнит.

– В смысле?

– Она помнит, как поймала взгляд мальчика – какая-то уловка с зеркалом, Лейла взяла ее из местной сказки. Потом она очнулась, когда господин посол тряс ее за плечо. Прошло не менее получаса. Артур играл кубиками. А у Лейлы эти тридцать минут выпали из памяти.

– Сон? Транс? Гипнотическое внушение?

– Не думаю.

– Телепатическое воздействие? Вам удалось выяснить, что это было?

– Нет, – поджала губы Матильда, возвращая себе былой облик. – Даром телепатии мальчик не обладает. Это установлено экспертами. Можете убедиться сами.

– Не премину.

Матильда Клауберг также не являлась телепатом. Этот факт был только что установлен экспертом – доктором ван Фрассен. На всякий случай. Закон о допустимых пси-воздействиях смотрел сквозь пальцы на мелкие нарушения такого рода.

– И как теперь Лейла относится к мальчику? У нее вполне могла развиться фобия.

– Мы тоже этого боялись, – кого Матильда имела в виду под двусмысленным «мы», осталось тайной. – Но девушка очень быстро оправилась. Как ни странно, с тех пор она еще больше привязалась к мальчику. А про обморок вспоминает с улыбкой. Говорит, что просто заснула.

– Ясно. Что-то еще?

– Теперь вы знаете о мальчике все необходимое. Мне больше нечего добавить.

– Благодарю, – Регина встала, давая понять, что разговор окончен. – Вы сообщили очень ценные сведения.

– Я проведу вас к нему.

– Спасибо, не нужно. Это хотел сделать господин Зоммерфельд.

Кабинет посла находился в другой части здания. Доктор ван Фрассен опасалась заблудиться, но общество госпожи Клауберг тяготило ее. Теперь Регина понимала, почему ночью Ник ни словом не обмолвился о комиссарше, под нянькой подразумевая безобидную Лейлу. Впрочем, какая Матильда комиссарша? – младший инспектор, не выше. Пока Артур оставался на Ларгитасе, в специальном наблюдателе не возникало нужды. Но едва отец забрал ребенка на Шадруван... Небось, и должность подходящую придумали, и ставку пробили. И дипломатический статус. Ник не дурак, он прекрасно понимает, кто такая госпожа Клауберг. Разумеется, ему неизвестен секрет «Цаган-Сара», но интерес родных спецслужб к сыну не может его не тревожить. Терпеть согладаясь, не в силах ничего предпринять? Мало Нику, что сын – аутист, так еще и негласная опека...

– Войдите.

– Я готова. Веди меня к Артуру.

По кабинету витал пряный дым. От него хотелось чихнуть. На столе курился кальян – богато украшенный самоцветами, с янтарным мундштуком. Кальян господин посол не успел – или, скорее, не счел нужным убрать с глаз долой. Затянувшись в последний раз, Ник молча кивнул и выбрался из-за стола.

Неприметная дверь вела в соседнюю комнату. «Как из моей спальни в комнатку Фриды,» – пришла на ум непрошенная ассоциация. Химеру Регина заперла у себя. При первом знакомстве с аутистом Фрида будет лишней. Дальше – по ситуации. Впрочем, едва переступив порог «детской», доктор ван Фрассен убедилась: ассоциация с Фридиной клетушкой не выдерживает никакой критики. Заботливый отец постарался на славу: «детская» превосходила размерами кабинет посла. Впору подхватить агорафобию. Обязательный ковер на всю комнату – такого мохнатого исполина Регине видеть еще не доводилось. Низенькие банкетки, пуфики; широченная, как космодром, тахта. Все мягкое, со скругленными углами – чтобы малыш не расшибся, играя. Ну да, с координацией движений и оценкой расстояний у аутистов проблемы.

Особенно в юном возрасте.

Имелись в комнате и твердые предметы: стол-коротышка на «слоновых» ногах, оплетенных змеями; два шкафа с прозрачными дверцами – внутри в идеальном порядке, как на параде, выстроились бесчисленные игрушки, которыми Артур, по утверждению отца, практически не играл. «Компульсивное поведение, – отметила Регина, – стремление к маниакальному упорядочиванию. Классический симптом. Если, конечно, это не работа Лейлы...» Еще один шкаф, из светлого дерева – наверное, с одеждой. Пара детских стульчиков... Это правильно. Надо приучать малыша к тому, что не все вокруг – мягкое. Набьет пару синяков, зато запомнит, что надо соразмерять движения.

– Привет, Артур! Это папа.

VI

В первый миг она не узнала Ника. Исчезла наждачная хрипотца, голос посла сделался мягким, бархатным. Затаенная нежность, скрытая боль. Регина моргнула. За слононогим столиком сидел знакомый ей по снимкам бутуз. Как она его раньше не заметила?! Попал в «слепое пятно»?

Такого с ней раньше не случалось.

Полосатая рубашечка-«матроска» с отложным воротом. Шорты цвета морской волны. Босые ступни; сандалии свалились вниз, на ковер. Над теменем торчит знак вопроса – русский вихор. На приветствие ребенок не отреагировал. Он был целиком поглощен своим занятием: что-то рисовал в планшете. Даже язык от усердия высунул.

– Артур, это папа. Ты меня слышишь?

Если Артур и слышал отца, то никак это не продемонстрировал. Регина осторожно потянулась к мальчику. Внешние рецепторы, слуховой нерв. Слуховая зона височной доли коры больших полушарий. Прохождение сигнала... Реакция ослаблена и заторможена, но определенно наличествует.

– Он тебя слышит, Ник. Просто не хочет отвлекаться.

Последнее было не совсем так, но доктор ван Фрассен не стала вдаваться в подробности. Ник взглянул на нее с удивлением, вспомнил, с кем имеет дело – и в очередной раз кивнул.

– Знакомся, Артур. Это тетя Регина.

– Тетя Ри, – перехватила инициативу «тетя», – долго-долго летела сюда. Это папа попросил тетю Ри прилететь. Теперь я – тетя Ри – буду с тобой играть. Ты любишь играть?

Малыш не смотрел на нее, но сейчас это не имело значения. Лобные доли, область наглядно-образного мышления. Активность понижена, связи неустойчивы и, в основном, ведут куда-то вглубь. Внутрь, а не наружу. Ничего, это поправимо. Твердя, как попугай, про «тетю Ри», она сопровождала сказанное мульти-энграммой, взяв поправку на угол зрения. Так должен был воспринимать ее Артур, глядя снизу вверх – если бы смотрел на гостью, а не в планшет.

Плюс звук голоса. Плюс легкий аромат духов...

Артур оторвался от рисования. Медленно, словно шея заржавела, он повернул голову – крупноватую, как у многих аутистов – и исподлобья взглянул на нее. Так покупатель в магазине изучает экзотическую дребедень: а это еще что такое? Смотреть ей в глаза Артур избегал. Секунды текли дождевыми каплями по стеклу. Монетками ложились в копилку прошлого. Наконец губы мальчика шевельнулись. Он не издал ни звука, но Регина легко прочла по губам – и одновременно в мозгу ребенка:

«Тетя И».

И образ – искаженный, но узнаваемый. Наложение. Энграмма-подсадка совместилась с образом. К получившемуся гибриду прилип вербальный ярлычок: «Тетя И». Того и гляди, отклеится. Ничего, позже закрепим.

Сейчас надо продолжать.

Артур вновь уткнулся в планшет. Регина махнула рукой Нику: дальше я сама. Господин посол кивнул – в который раз за это утро – и тихо прикрыл за собой дверь. Регина подошла к ребенку – тот ее игнорировал – и уселась рядом на ковер по-сякконски, подобрав ноги. Заглянула через плечо. Так же в детстве она заглядывала через плечо Линды, когда та рисовала. Линда не возражала. Артур тоже не возражал. Казалось, в комнате кроме него никого нет.

На планшете, солдатами на плацу, выстроились многопалые ладони с ветвящимися отростками. Клоны, близнецы; точные копии. Ряды «ладошек» заполняли всю плоскость дисплея и уходили под верхний край. Сколько их здесь? А сколько уже успело «уехать» по полосе

прокрутки? Ограниченное поведение плюс стереотипия. Концентрация на единственном объекте; повторение одного и того же действия.

Ладошки ли это?

Проследить синаптические связи – дело одной секунды. Когда перед Региной раскрылся зрительный образ, который малыш старательно переносил в планшет – она едва не ахнула. Не ладошка – дерево! Могучий ствол, скрученный жгутом, играл лиловыми сполохами. Крона, распластавшись на полнеба, и впрямь походила на огромную ладонь с пальцами-ветвями. Отходя от ствола, ветви наливались синевой и светлели, сияя на концах пронзительной бирюзой. Дерево напоминало проросшую из земли молнию. Не бывает таких деревьев. Артур не мог видеть ничего подобного. Может, смотрел сказку по визору – и запомнил?

У аниматоров фантазия богатая...

Вспомнились заснеженные утесы и сосны, рвущиеся в небо – «внутренний мир» Фриды, место, где химера никогда не бывала наяву. Неудивительно, что мальчик отказывается «выходить наружу». При такой-то яркости внутренних образов! Значит, будем строить ему ассоциации, если он не желает строить их сам. Насилие? В определенной мере. А как прикажете вызволять прекрасного принца из заточения, если принц упирается руками и ногами? Регина оглядела комнату, ища подходящий образ привязки. Шкафы, пуфики, банкетка. Окно. За окном – дерево. Если Артур повернет голову, он увидит дерево, не вставая с места. Поднявшись на ноги, Регина бесшумно переместилась к окну – ковер полностью глушил шаги. Ага, вот и скрытая панель управления. Створки ушли в стены, в комнату ворвался порыв ветра. Шелест листвы, летний букет: зной, пыль, фрукты.

– Артур, ты дерево рисуешь? Дерево, да?

Скольжение по синапсу. Изнутри – наружу. От древомолнии – к рисунку в планшете – дальше, в окно, к *настоящему* дереву. И обратно. По кругу. Цикл. Повторение. Замещение. Он должен увидеть сам. Нельзя все время подкидывать ребенку готовые энграммы.

– Смотри, какое дерево у нас за окном! Видишь? Большое, красивое. Де-ре-во. Смотри, Артур. Хочешь его нарисовать?

Локальная активация лобных долей. Простройка синаптических связей – зрительные бугры, моторика мышц... Детская рука с мультицветным стилусом замерла. Артур повернул голову. Но смотрел он не в окно, а на «тетю И».

– Артур, посмотри в окно. Ах, какое там дерево! Нарисуй его. Ты же любишь рисовать? Рисовать дерево? Дерево – за окном. Вон там. Смотри.

Она указала в окно – туда, мол, гляди, не на меня. Артур уставился на руку «тети И», никак не ассоциируя ее с направлением. Вытянул свою руку, повторяя чужой жест, и засмеялся. Игра ему нравилась. Смотреть в окно он не собирался. Доктор ван Фрассен легко могла подчинить себе моторику малыша и заставить его взглянуть в окно. Но в данном случае это было бы чрезмерное и совершенно неоправданное насилие. Более того, насилие, несущее вред. Мальчик должен посмотреть в окно сам. С ее помощью, по ее подсказке, но – сам. Его можно и нужно подтолкнуть, но нельзя тащить на аркане, как упирающееся животное.

Напрочь забыв совет госпожи Клауберг, Регина взяла Артура за руку. Ладонь ожгло, как огнем. Кожа мальчика пылала – жаркое пламя костра, раскаленный докрасна металл, плазма, бушующая в реакторе! На миг Регина явственно ощутила смрад горячей плоти – *своей* плоти! Сбой восприятия. Сенсорная галлюцинация. Блокировка. Отключение болевых рецепторов. Коррекция. Восстановление проводимости волокон... Иллюзия сгнула, как не бывало. Угасло пламя, остыл металл. Регина держала пухлую руку ребенка, указывая в окно. Малыш наконец понял, чего от него хотят, и заморожено уставился на дерево, шумящее под ветром.

– Дерево. Это дерево. Видишь? Сможешь его нарисовать?

Артур, покорней ягненка, склонился над планшетом.

Внешний образ – внутренний – закрепление связи – вербализация образа – создание маркированной энграммы – реализация в рисунке. Стимулирование интереса к внешним явлениям. Что ж, начало положено. Есть первый крошечный успех, который необходимо развивать. А с тактильными и обонятельными галлюцинациями, доктор ван Фрассен, мы разберемся позже. Она продолжила работу.

КОНТРАПУНКТ РЕГИНА ВАН ФРАССЕН ПО ПРОЗВИЩУ ХИМЕРА

(из дневников)

Вот, из авторского предисловия В. Золотого к сборнику «Сирень»

«Я могу зарифмовать и уложить в любой размер все, что угодно. Любую тему, любую мысль; любой заказ. Вуаля! – кролик из шляпы. Все радуются и бьют в ладоши. Такую поэзию я называю технической. Я могу набросать десяток строк спяну, на ходу, на бегу. Править их я никогда не стану. Пожалуй, не стану и публиковать. И даже не захочу объяснять – почему. Вуаля! – и в пыльный угол. Такую поэзию я называю чердачной. Ее место среди хлама. Вы спросите: что же для меня поэзия? Просто поэзия, без эпитетов? Нет, не отвечу. Скажу лишь, что мы очень много требуем друг от друга. Но нам спокойно вместе. Спокойно и тепло.

Поэзия – жена, хозяйка моего дома.

Техническая поэзия – опытная проститутка.

Чердачная поэзия – случайная попутчица. Хочется, а на лучшую не хватает средств.»

Почему мне кажется, что Золотой говорит и обо мне?

Глава третья Слепец и джинн

I

*– О Шадруван! Твои цветы весь день поют в твоих полях!
О Шадруван! Твои мечты плывут на дивных кораблях!
Здесь милость шаха – летний дождь, здесь радость шаха –
благодать!
О Шадруван! Прекрасен ты, когда ликует вся земля!*

Толстяк замолчал, отдуваясь. Поэма, восхваляющая родину (главным образом – его величество Хеширута IV), далась певцу с трудом. Будь он лет на десять моложе, а главное, килограммов на сорок легче... Смолкла и музыка. Все ждали шахского слова. Наконец мальчик, сидевший на троне, кивнул и улыбнулся. Все заметили, что перед этим скромно одетый мужчина, который стоял рядом с мальчиком, легко тронул юного шаха за плечо. Но Регина могла поклясться: спроси любого, видел ли он это прикосновение, и шадруванец, не моргнув глазом, отречется от правды. Не видел, не было, не могло быть. Его величество одобрил панегирик толстяка собственной волей, и «ликует вся земля».

– Кейрин-хан, – шепнул Ник, склонясь к уху Регины. Сейчас посол говорил по-ларгитаски, не решаясь даже на унилингву, доступную кое-кому из собравшихся. – Регент, настоящий хозяин страны. Вакиль-ё-Райя...

И перевел:

– Защитник Народа.

Собственно, Ник перевел своей спутнице всю поэму толстяка, от начала до конца. Иначе она ничего бы не поняла. Стихи Регине не понравились. Липкая, подобострастная сладость. «Чей перевод?» – спросила она для приличия. И чуть не ахнула, когда Ник скромно потупился. На миг перед ней возник прежний Николас Зоммерфельд, готовый бежать за чашкой кофе для возлюбленной на край света. Вот, прибежал – здесь край света, океан крепчайшего кофе, и ты, Ник, уже вновь спрятался за вежливой маской дипломата. Хоть тараном бей – не выгонишь наружу.

«Что-то не припомню за тобой поэтических талантов,» – пошутила Регина.

«От скуки, – разъяснил Ник. – Ночи такие длинные...»

По знаку Кейрин-хана музыканты взяли за инструменты. Флейта, лютня, скрипка-двухструнка. С плавностью сомнамбул задвигались танцовщицы – поодаль, не мешая собравшимся. Кучка седобородых старцев окружила толстяка – поздравляли, совали деньги. Тот принимал, не чинясь. Лишь изредка косился на регента, и Кейрин-хан с одобрением моргал: бери, мол. Мальчик на троне напоминал статую. Белый, мертвый взгляд его смущал Регину. По воле случая лицо шаха было обращено к ней – зрячий, он изучал бы доктора ван Фрассен с внимательностью, достойной препаратора. Но никто не усомнился бы, что Хеширут слеп.

«Сволочь! – с внезапной злостью подумала Регина, имея в виду деда-самодура, лишившего внука зрения. – Мерзкий ублюдок! Надеюсь, черви давно сожрали твое тело...»

– Уникальная личность, – тихо сказал Ник. – Это я про регента. Вояка с колыбели, но предпочитает дипломатию. Бандит, но держит слово. Стоит у трона, но сесть отказывается. Неграмотен, но покровитель искусств. Гуманист, при случае не гнушающийся пытаться собственноручно. Горький пьяница, но знает, когда пить и с кем. Все дела здесь надо вести с ним. Хеширут – так, ширма.

Рядом призраками скользили слуги – разносили фрукты. Никто не брал – наверное, так было принято. Лишь толстяк позволил себе отщипнуть виноградинку от темно-лиловой, лоснящейся грозди. Регина ожидала, что гостей пригласят куда-нибудь, где ждут накрытые столы, и можно будет наконец присесть. Нет, регент не подавал знака оставить залу. Вот и старцы, пыхтя, разбрелись по местам. Вот и толстяк отвалил в сторонку. Похоже, так до утра простоим. Еще кто-нибудь споет плаксивым голосом о цветах, полях и шахской милости...

Мальчик на троне что-то произнес, обращаясь к регенту. Простецкое лицо Кейрин-хана озарилось, словно он услышал приятную новость. Сделав шаг вперед, регент начал речь. Он непроизвольно подражал толстяку в интонациях, но, похоже, не замечал этого.

– У лютни пять струн, – переводил Ник шепотом. – Первая струна желтая, для холериков...

– Так и говорит? – изумилась Регина.

– Он сказал про разлитие желчи. Тут свои понятия... Вторая струна красная, для сангвиников. Третья – белая, для флегматиков. Четвертая – черная, для меланхоликов. Но пятая, самая главная – струна души. Так шах есть душа мира, и все такое. Взор шаха пронзает мельчайшую пылинку...

Мальчик на троне снова заговорил – с нажимом, раздраженно.

– Взор шаха не зависит от телесной зоркости или слепоты, – продолжил Ник, вслушиваясь в речь Защитника Народа. – И все же... Так, похоже, он не хочет говорить этого. Но Хеширут настаивает. Значит, нас, то есть его величество, посетил великий врач со звезд, созданных Господом Миров. Великий врач – это ты. Женщине недоступно подлинное искусство врачевания, но на звездах все не так, как у людей. Всемогущ Господь Миров, и тому подобное. Возможно... Ри, он говорит, что ты, наверное, нарочно приняла облик женщины! Дабы испытать... Тут я не понял. Какой-то цветастый оборот. Короче... Проклятье! Он сошел с ума!

По зале пронесся слабый шепоток. Старцы, как по команде, уставились в пол. Толстяк подавился виноградинкой и заперхал, боясь потревожить владыку громким кашлем. Щеки и лоб толстяка стали багровыми. Кейрин-хан приветливо смотрел на ларгитасского посла. А Николас Зоммерфельд кланялся, боясь начать.

– Ри, это провокация, – наконец произнес он. – Шах спрашивает, можешь ли ты вернуть ему зрение.

II

Она вломилась в мозг Ника, как танк в сувенирный магазин. Нарочно, с шумом и треском – чтобы посол Зоммерфельд сообразил: у доктора ван Фрассен нет иного выхода. Что доктор ван Фрассен не полезет дальше, не станет воровать тайны, личные или государственные – просто разговаривать вслух нельзя, а обмен мыслями стократ быстрее обмена словами.

От волнения она не могла сконцентрироваться. Мысли Ника ассоциировались с гнусавым звучанием скрипки. Ее собственные – флейта, как всегда. Очень хотелось выпить вина. Много, бутылку или две. Хотелось покурить. Она никогда не курила того, чего хотелось сейчас. Хотелось сбежать, и подальше. Страстно, до одури, до дрожи в коленках. Не сразу стало ясно, что выпить и покурить – это Ник, а сбежать – она сама.

«Что делать?» – задохнулась флейта.

«Не знаю», – откликнулась скрипка.

«Не знаешь? Кто из нас посол?!»

«Ри, не горячись. У Хеширута зрение – идея-фикс...»

«И что?»

«Я запрашивал Ларгитас на этот счет. Замена хрусталиков, и все такое. Да хоть пересадка глазного яблока! Ты должна быть в курсе...»

«Я в курсе. Связь между сетчаткой глаза донора и зрительным нервом реципиента, восстановление ассоциативных зон в мозге...»

«Для наших офтальмологов это даже не вчерашний день...»

«Устрой мальчику операцию. Он будет благодарен тебе до конца...»

«Вот именно, что до конца. Я не знаю, как воспримет это Кейрин-хан. Что, если зрячий шах не проживет и дня? Это дипломатия, Ри. Тут нельзя милосердствовать вслепую...»

Милосердствовать вслепую. Скрипка. Флейта. Она чуть не ударила Ника. При всех. За то, что прав. За то, что на весах не только желания безглазого подростка, облеченного властью. Надо что-то делать; ничего сделать нельзя...

«Ты можешь обнадежить его, Ри?»

«Как?»

«Дать ему увидеть? На время, на одну минуту? Я скажу, что сейчас мы не способны на большее. Обнадежу его – и отложу решение вопроса. Мы выясним позицию Кейрин-хана – не исключено, что он поддержит эту идею...»

«Я могу дать ему увидеть зал моими глазами. Трансляция сенсорных образов – самое простое решение. Устраивает?»

«Вполне, – спела скрипка. – Ты умница.»

«Да, – ответила флейта. – Я умница. Но я прилетела сюда лечить одного мальчика, а не двоих.»

Вернулся зал. Посол Зоммерфельд, выступив вперед, что-то говорил – гортанно, щелкая и цокая. Старцы ухмылялись в бороды. Вежливо слушал регент. Равнодушно – шах.казалось, разговор не о нем, и о зрении он спросил между делом. Толстяк наконец справился с виноградкой. Регина впервые заметила, какой внимательный, цепкий прищур у этой горы жира. Изучая собравшихся, она ждала, когда Ник даст ей отмашку приступать. В обещанном не крылось ничего сложного. Такие шутки они проделывали в интернате. Правда, в «Лебеде» не учился ни один шах.

– Давай! – скомандовал Ник, и она потянулась к мальчику на троне.

В первую минуту Регина решила, что сошла с ума. Хеширута IV не было. Он находился в зале, собственной персоной, и в то же время он полностью отсутствовал на ментальном плане. Доктор ван Фрассен еще бы поняла броню. С пси-блокадой она была знакома не понаслышке. Помнила она и серую пыль – защиту рассудка охранников на вилле, где изучался секрет «Цаган-Сара». Но шах оказался пустым местом. Даже не призрак – ничто. В волнении, забыв законы и приличия, Регина всем мозгом ударилась в Кейрин-хана – с тем же результатом. Старцы, толстяк, музыканты – для телепата никого из них не существовало.

Совсем.

Мне снова шестнадцать, подумала Регина. Я не на Шадруване. Я на Соне, на фестивале арт-транса. Я смотрю «Мондонг», фильм с возрастными ограничениями. Я сплю, и мне снится, что я – героиня фильма. Этого не может быть на самом деле. Однажды я проснусь.

– ...лучшие телепаты Галактики, – сказала Сибилла Терн, психир. – Активные день за днем идут на таран. Пассивные день за днем идут на погружение. И что? Вместо тарана – пишик. Вместо погружения – барахтанье на мели. Племя дикарей, неуязвимых для телепатического вторжения. Я, пси-хирург с дипломом, полученным на Сякко, чувствую себя калекой. Я ни на шаг не продвинулась, Джош. Психика этого уродца закрыта для меня. Это пирамида, вкопанная в землю. Пирамида с иными константами. Ты понимаешь, что это значит?

– Понимаю, – кивнул Джошуа Фластбер, этнолог. – Это значит, что надо продолжать.

– Нет! Я не могу. Представь, что тебе велено оплодотворить женщину. Естественным путем. Она лежит перед тобой, обнажена и доступна. Но подходя к ее кровати, ты всякий раз делаешься скопцом. Если я скажу тебе, что надо продолжать, что ты мне ответишь?

Сон длился.

«Я утратила дар, – в панике решила она. – Я больше не телепат!..» Ты только что обменивалась мыслями с Ником, подсказал здравый смысл. Проверка заняла доли секунды – посол Зоммерфельд был по-прежнему доступен для нее. Как и Зоммерфельд-сын – утром. Ларгитасцы – да. Шадруванцы – нет.

Ник с удивлением смотрел на нее.

– Я не могу, – сказала Регина. – Выкручивайся, как знаешь.

Ш

– Что мы делаем, Артур?

Вопрос – в карих глазах. Вопрос – вихор на темени.

– Мы строим башню. Вот это – башня.

Доктор ван Фрассен плавно – чтобы ребенок успел отследить движение – провела ладонью вдоль пяти кубиков, установленных друг на друга. Все кубики были педантично повернуты одноцветными гранями в одну сторону. Желтый – к желтому, зеленый – к зеленому...

– Башня. Повтори, Артур: башня.

Связи «объект – образ» протраивались успешно. Даже лучше, чем Регина надеялась. Но с вербальными маркерами и речевыми ассоциациями дело обстояло хуже. Ничего, на то она и ментал: поможем, свяжем. Так держат под руку хромого, прогуливаясь по больничному парку. Главное – запустить ассоциативный механизм на должную глубину, отладить сложные цепочки. Вскоре механизм станет работать сам, без «костылей». Понадобится лишь периодическая коррекция и подключение следующих слоев.

Смотрим речевые центры. Словесный, напрямую связанный со слуховым – задняя часть первой височной извилины левого полушария. Что тут у нас? Более или менее. Ряд слов Артур знает и вполне понимает их значение. Стимуляция не помешает, но в целом... Двигательный речевой центр – задний отдел третьей лобной извилины левого полушария. Тут проблемы. Простой стимуляцией не обойтись...

– Повторяй за мной: башня.

– Баша...

– Баш-ня. Давай-ка еще раз – баш-ня.

И побуждающий импульс – легкий, едва заметный.

– Баш... ня-я... Баш-ня. Баш-ня! Баш-ня! Баш-ня!

– Молодец, Артур! Строим дальше?

– Стоим!

Это – уже без побуждения. Хорошо. Продолжаем.

Мальш взял следующий кубик.

Она старалась с головой уйти в работу. Спрятаться, как в коконе силового поля – лишь бы отсечь, оставить снаружи мысли о вчерашнем. Одно воспоминание о шахском приеме вызвало у Регины приступ паники. На ум пришел блок-экран, перекрывший доступ к Леопольду Эйху. Если это было возможно на Ларгитасе, на правительственной вилле – возможно ли подобное на Шадруване? Неужели шахский дворец оборудован...

Чушь, бред! Откуда у варваров сверхтехнологии?

Даже самую безумную гипотезу следует проверить. За завтраком она без спросу сунулась в голову к Лейле, прислуживавшей за столом. И никого не обнаружила. Никого и ничего. Словно Лейла не рождалась на свет. Не удержавшись, Регина коснулась рассудка Матильды Клауберг – та уничтожила рыбные тарталетки с такой яростью, словно казнила орду заклятых врагов. Все в порядке, комиссарша доступна. Можно с легкостью добраться до первых сексу-

альных опытов женщины, или превратить могучую даму в послушную марионетку; или, войдя «под шелуху», ампутировать любой фрагмент памяти госпожи Клауберг...

Разумеется, ничего этого Регина делать не стала.

Врожденное свойство аборигенов? Аналог защиты дикарей-овакуруа? Надо принять, как данность: для шадруванцев вся телепатия доктора ван Фрассен – пустой звук. А потом улететь домой и постараться забыть. Она знала, что забыть не получится. Певица, потерявшая голос; танцовщица, лишившаяся ног. Скрипач без пальцев, слепец-художник. Забудется ли ужасный кошмар, даже если оставить его за кормой рейдера?!

– Башня...

– Баш-ня! Баш-ня!

– А какая башня у нашего мальчика?

– Кая?

– Самая лучшая! Красная, синяя...

Работая с Артуром, Регина старалась вовсе – ей кровь из носу надо было компенсировать свою недавнюю беспомощность. Она усиливала образы, возникавшие в мозгу ребенка, добавляла им красок и объема. Мир вокруг Артура пел и благоухал, лучился солнцем и сверкал фейерверками новогодних гирлянд. Если малышу так скучно *снаружи*, что он сбегает от скуки в себя – значит, надо сделать внешний мир столь привлекательным, чтобы ребенку не захотелось его покидать. Да, после окончания сеанса краски для Артура вновь поблекнут, а звуки сделаются глуше. Но останется воспоминание, сказочный, притягательный образ. Он станет тянуть малыша наружу, провоцировать желание еще раз пережить минуту счастья. Пловец-спасатель, он за волосы вытащит ребенка из глубин закуклившегося «я». Главное – поддерживать интерес, подбрасывать ребенку все новые стимулы. За две-три недели Регина успеет заложить основы. Дальше дело за отцом и Лейлой. И за госпожой Клауберг: пусть отрабатывает жалованье! Образование у комиссарши профильное, самое время поработать по специальности. Подробные рекомендации мы напишем. И пусть только попробует от них отступить!

Но в первую очередь – отец.

Вчера, на приеме у шаха, Николас прикрыл ее, как смог. Столь тонкое чародейство, как возвращение зрения, требует особого расположения звезд. Увы, повелитель мира, светила расположились самым неудачным образом, и искуснейший в мире врач не в силах противостоять... Смысл речи посла Регина узнала позже. Но мальчик на троне кивнул – без гнева, с поистине монаршим достоинством. Шушукались старцы. Улыбался регент. Ну да, конечно. Звезды! По силам ли женщине совершить чудо, недоступное лучшим из мужей? Будь ты хоть трижды гостя со звезд, расположившихся неудачным образом...

Как ни странно, Ник без особого изумления выслушал ее рассказ о причине неудачи. Реакция господина посла навела Регину на скверные мысли. «Ты знал? – без обиняков спросила она. – Знал заранее?!»

«Нет, – ответил Ник. – Я не знал.»

«Врешь!»

«Ты вправе не верить мне. Но я действительно ничего не знал.»

«Это и есть тайна Шадрувана? Та, о которой ты предупреждал меня?»

«Нет. И хватит об этом.»

– ...И!

Артуру наскучило строить башню, состоявшую уже из двенадцати кубиков – и он беспрепятственно взобрался на колени «тете И». Предостережения госпожи Клауберг оказались напрасными. Знала ли комиссарша о сенсорных галлюцинациях при касании? Если знала – почему не предупредила? Сейчас, во второй раз, ничего подобного не произошло. Никаких «ожогов». Нежная детская кожа; теплая – как у любого нормального ребенка. А вот с весом у тебя, дружок, перебор. Ожирение первой степени; двадцать процентов сверх нормы. Любишь сладкое

и мучное? Ну и молочное – как же без этого? Кричишь, если не дают? Капризничаешь, канючишь, да? Головой об стенку бьешься, как папа рассказывал? И сердобольные взрослые, не в силах видеть твоих страданий, несут в лапках сладенькую ватрушку с творогом?

Лишь бы успокоился.

Для тебя, малыш, это не просто ватрушка. Для тебя это – наркотик. Повышенная проницаемость стенок кишечника. Глютен с казеином попадают в кровь напрямую, и дальше – в мозг. И действуют они на тебя, дружок, как опиаты – на взрослого. Отчасти поэтому ты и не любишь наружу выбираться. Тебе и в скорлупке хорошо. Скушал ватрушечку – и доволен, и нет тебе дела до нашей суеты...

Ты уж прости, Артурчик, злую тетку Ри, но наркоманом я тебе стать не дам. Хватит в скорлупе кайфовать. Закончим сеанс – и сразу пойду разбираться с твоей диетой. Заодно капельки нашему мальчику пропишем. Есть такие капельки-стимуляторы... Не век телепатом с тобой возиться. Диета, препараты, развивающие игры; привитие навыков первичной социализации, работа с речью...

Дипломатом тебе не быть. В остальном – посмотрим.

IV

На обеде Регину ждал сюрприз – в лице давешнего толстяка, автора панегирика «О Шадруван!» Ник ей уже все уши прожужжал: Каджар-хабиб – местный уникам. Поэт, живописец, алхимик, полиглот; врач, астроном... Энтузиазма господина посла по поводу просвещенного аборигена Регина не разделяла. Пока сумма знаний молодого мира невелика, «универсалы» имеют право на существование. И все же – нельзя так разбрасываться! Разносторонность Каджар-хабиба наверняка шла во вред глубине познаний в каждой из выбранных толстяком областей. Оставалось надеяться, что людей он лечит лучше, чем пишет стихи. Иначе мир праху его пациентов.

А еще от него жутко несло потом. Несмотря на благовония.

В отличие от Регины, господин посол был в восторге от жирного гения. Обедать зовет, в друзьях числит... Господина посла можно понять: с кем тут вести беседы, если не с местным интеллектуалом? Не с Кейрин-ханом же? Ты ему о множественности миров, он тебе ножик в поясицу. Кому еще про множественность миров? Лейле, во время здорового секса? А госпожа Клауберг и так в курсе про множественность. И доложит куда следует.

– Рекомендую куфте. И немножко риса.

– Куфте?

– Вот эти тефтельки. Посольская стряпуха – волшебница...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.